

За ленточкой

Владимир Нестеренко

НА ХЕРСОНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

За ленточкой

Владимир Нестеренко
На Херсонском направлении

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Нестеренко В. Г.

На Херсонском направлении / В. Г. Нестеренко — «ВЕЧЕ»,
2026 — (За ленточкой)

ISBN 978-5-4484-5831-6

Специальная военная операция, начавшаяся в феврале 2022 года, и последовавшая осенью частичная мобилизация всколыхнули буквально всё российское общество. Кто-то посчитал призыв своим долгом, а кто-то сделал вид, что его это не касается, и постарался исчезнуть из страны. Но война — жестокая вещь. Она разлучает близких, но она же и сводит вместе вчерашних соперников и даже врагов. Вот и герои нового романа известного писателя Владимира Нестеренко, запутавшиеся «на гражданке» в любовном треугольнике, неожиданно для себя оказываются призванными служить в одном полку, дислоцированном на одном из самых проблемных направлений СВО — Херсонском. И прежняя взаимная неприязнь быстро сменяется чувством долга перед Родиной и общим духом фронтового братства, без которых немислима победа над врагом.

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5831-6

© Нестеренко В. Г., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	13
3	18
4	26
5	32
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Георгиевич Нестеренко
На Херсонском направлении
Роман

* * *

© Нестеренко В.Г., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

Часть первая

1

Под ногами Вячеслава Егорычева шелестела листва. Милая цветистая листва, отслужившая свой срок, падала в свободном полете, как и он, широко шагающий, устремился в свободный жизненный путь. Давно отдан гражданский долг – год срочной службы в армии и окончен его контракт, подписанный на несколько лет в день дембеля. Теперь он уж не тот мальчик после средней школы, а возмужавший парень, закалённый армейскими буднями, сумевший освоить современную профессию компьютерного программирования, хотя романтическая натура осталась прежней. Когда он прошел курс молодого бойца в парашютно-десантных войсках, в принципе, охотно и успешно, его вдруг перевели в штаб, засадив за производство полковых документов учёта, докладных, всевозможных накладных и расходных. Выбор выпал на него за сообразительность, трудолюбие, усидчивость и то, что лучше других своих сверстников знал компьютер как инструмент, на котором можно творить чудеса программирования, работать с текстами, таблицами и прочая, прочая. Три года практики в этой области сделали его отличным профессионалом.

Вячеслав поймал багряный лист кудрявого клёна. Лист уже не дышал и безжизненно лежал на широкой ладони, но своими рдеющими, как звезда, острыми носиками указывал направления, куда он мог двинуться: на железнодорожный вокзал или на самолет? Он выбрал последний, поскольку любил полёт и скорость.

Парень в свои прожитые почти четверть века выглядел не только браво, но и солидно. Этот облик создавали ему широкогрудая стройная и высокая фигура, пышущая здоровьем и силой. Крепкие мосластые ключицы тянули на косую сажень, руки бугрились упругими мышцами, а кисти, сжатые в кулак, напоминали тяжёлую кувалду, что на первый взгляд не вязалось с его профессией, а скорее напоминало гимнаста. Лучистые серые глаза выражали жизне-радостное состояние человека, стремящегося охватить взором весь окружающий мир, чтобы до конца познать: каков этот мир? Вячеслав любил короткую стрижку волос, но они стремительно отрастали, превращая голову в пушистый каштановый шар, и он частенько заглядывал к цирюльникам.

Бег его мыслей и шум уставшего города оборвал вкрадчивый голос цыганки. Она стояла в тени аллеи в цветном длиннополом платье с огромными золотистыми серьгами в ушах и смотрела на него широкими и сверкающими антрацитовыми глазами. На покатых плечах лежала кружевная цветастая шаль.

– Остановись, свободный человек, я вижу романтическую историю твоей любви, – пропела она сладким голосом, делая шаг навстречу.

Он иронически глянул на неё, усмехнулся, не веря в гадания и экстрасенсов, а только в свои силы и свою звезду.

– Я могу указать на твою звезду любви, если ты позолотишь мне ручку и дашь взглянуть на твою.

«Она о моей звезде. Шаблонной фразой нетрудно попасть в яблочко», – подумал Вячеслав, всё так же иронически улыбаясь.

– Может, ты и прав, но, видишь, перед тобой мимо меня прошли такие же соколики, но у них нет той романтической ауры будущей любви, какой обладаешь ты. У них всё буднично и предсказуемо, как дни недели, и я никого не остановила.

– Ну что ж, пусть солдатская позолота будет щедра, прими её, и вот тебе моя рука.

– Каждый мастер кормится своим талантом, мой труд – это взгляд в будущее интересного человека, – заговорила цыганка приятным воркующим голосом, поглаживая его ладонь, как бы перелистывая страницы невидимой книги. – Да, история твой будущей любви любопытна и необычна. Твоё сердце не занято и открыто для любви. Но обретёшь ты её, когда научишься летать, и произойдёт это в полёте в час твоего любимого праздника. Помни! Но и остерегайся. Тебя ждут любовные испытания и приключения. Желаю удачи, свободный человек! – торжественно закончила цыганка и удалилась, оставив его размышлять всё с той же иронической улыбкой на устах.

А листва падала под ноги. Он поймал новый летящий многоцветный лист клёна, расправил его на ладони, на которой только что гадала цыганка, и спрятал его в карман синего кителя как амулет, имеющий таинственную силу и сберегающую то романтическое настроение, охватившее его с той минуты, когда он ощутил себя свободным от службы парнем и поверил в свою звезду счастья, блуждающую где-то в человеческом море.

* * *

Бурятин надоел до чертиков, хотя Слада Гордиенко не могла отрицать его мужскую красоту, вес в определенных кругах бизнесменов. Он ей казался постным, как щи из одной капусты, хотя на него западают многие знакомые девки. Она и себя порой так презрительно называла, потому что всё ещё не находила в себе силы порвать это знакомство. Попросту ей было всё безразлично и холодно от бесконечных его придумок различных пикников на природе, вечеринок на его шикарной даче, точнее даче его отца, силой которого цепко воспользовался и выплыл с его поддержкой в менеджеры. Может, эта посторонняя сила, а не его личная, составляла ту пачку копившейся к нему неприязни, которая в конце концов перевесит все его ухаживания, внимательность, мужскую силу, граничащую с грубостью властелина над подданными. Холодила его постоянная к ней прилипчивость, от которой неприятно обидаться, как от двухдольных семян череды, облепляющих брюки, если зазеваешься и забредёшь в сторонку от шумной компании послушать шелест засыпающей листвы берёз, сонного голоса реки Бузимы, на берегу которой стояла дача Бурятиных. Сначала, когда семян было немного, она не сердилась, обирая эти липучки. Иронически улыбалась, срывая длинными неуклюжими ногтями, сравнивая эти липучки с ним, с его томными сексуальными взглядами, поцелуями в любую минуту, если она оказывалась рядом. Стали надоедать его ревнивые намёки на её холодность, наконец, бесконечные звонки и вопросы о самочувствии, об успехах в учёбе, о свободном времени и месте очередной встречи раздражали её, как диссонирующая нота раздражает уставшего и нетерпеливого дирижёра. Часто она отключала свой мобильник, а он потом жаловался ей страдальческим голосом, как он извёлся, не слыша милого ангельского голоса.

У неё голосок, конечно, ангельский, грудной с множеством оттенков, позавидует любая драматическая актриса. Кстати, сейчас она сама играет роль строптивой невесты. Скоро надоест, отыграет.

– Какая ты счастливая, Слада. Как он о тебе постоянно заботится, как он тебя любит, – ловила она взгляды и речи своих сокурсниц.

Подруг близких на курсе не было. Всё осталось в школе, юркнуло под панцирь замужества или тоже окунулось в студенчество. Она порой страдала от невысказанных переполненных эмоций, чаще всего с отрицательными зарядами. Тогда бросала дела и ехала к Люсе, с которой протащила все одиннадцать школьных лет, а теперь вроде бы осиротевшая: Люся выскочила замуж за перспективного чиновника, поселилась с ним в другом конце города, родила и прикована к дому младенческими цепями.

Бурятинское любовное нытье выводило из равновесия.

– Как ты не можешь понять, что на лекциях телефоны отключают, это же прописной закон.

С каждым днём злость на его назойливость набирала обороты. Отдирать его липучесть уже не хватало сил. Это равносильно иметь дело с человеком, имеющим два носа или третье ухо на затылке. Его невозможно убедить в том, что достаточно всего единственного звонка, чтобы договориться о встрече, если он без неё не может убить свободное время! У неё такого времени нет. Учеба на последнем курсе медицинского университета, спортивное скалолазание забирают его сполна, а если выкраиваются свободные минутки, то она лучше с пристрастием лишний раз поплавает в Интернете в поисках мудрых мыслей и высказываний, коротких историй знакомств с далеко идущими последствиями, расскажет свою придуманную историю и будет ждать отклик какого-нибудь остроумного парня. Она упорно не даёт своего фото синеглазой красавицы желающим с нею познакомиться. Зачем? Достаточно того личного психологического портрета равнодушной души к окружающей действительности, того добра и света, которое она несет как медик и будет нести людям в будущем. Отрицает тот мир, где преобладает жестокость, наглость, хамство – те главные атрибуты, на которых, по её мнению, люди, обладающие этими свойствами, строят сегодняшнее общество. Жестокость у них всегда на переднем плане, в первом окопе. Она позволяет добиваться поставленной цели. Великие правители и полководцы – люди весьма жестокие, но жестокость эта рациональная и обусловлена властью. Размазня с милыми намерениями – неизбежный разрушитель доставшегося наследия.

В своём блоге Слада сообщала о себе, что не лишена симпатии, с правильными чертами лица, синеокая высокая блондинка, носит пышные волосы, рассыпанные по спине, но чаще всего собирает в комок на затылке, чтобы не мешали скалолазанию. Если кто-то жаждет любви, то пусть сначала полюбит её внутренний мир, а потом уж всё остальное. Таким же образом она ищет пусть пока не спутника жизни, но интересного собеседника. Необязательно твердого единомышленника, но человека с фантазией, мысль которого не застревает в эротических картинках, хотя она отнюдь не бракует такой вид искусства, но всему есть мера. Для неё важно стремление лететь к звёздам, где рождаются новые миры и накапливаются новые аномалии разума и мыслей, которые можно жать, как ниву – щедрой и умелой рукой сеятеля.

И, сдаётся ей, такого собеседника нашла, встречается с ним почти каждый день. Он тоже выходит без фото, говоря о себе, что он нормальный парень с типичным русским лицом. Он заинтересовал своей легендой о любви, легендой, ему не известной, но она свершится в полёте, когда научится летать. Но как это сделает, сам не знает, фантазирует, уверенный, что его фантазии выльются в реальные действия.

Делить себя на две части Сладе становится всё тяжелее и тяжелее. Она, конечно, не против сытой жизни, достатка, приятных всяческих маленьких бытовых удобств, о которых Бурятин бесконечно трезвонит, потрясая тугим кошельком, чаще – его папы, дающего все земные блага, против которых она ничего не имеет. Например, иногда выпить дорогого вина, сесть за руль надежной удобной машины, сходить на спектакль, когда приезжает московская труппа, или тот же весёлый пикник, но не делать из всего этого властвующую над сознанием и бытием корону и не подчеркивать свою доступность ко всем благам и считать себя неизбежным членом избранного общества.

Буратинчик, Слада его так зовёт за созвучную фамилию Бурятин и за те пять золотых, которые у него всегда есть, не годится в её кумиры, и она не собирается опираться на его руку, хотя он уж добился согласия на брак от своих родителей. Она же благословения не просит. И спешить не собирается. Впереди целый курс университета, и бегать на лекции брюхатой бабой – не её удовольствие.

Ну хватит об этом, сколько можно подчеркивать своё неудовлетворение, что это не мой фетиш, сколько можно вкатываться в эти липучки, обсевшие тебя по самый пояс. Хоть выбра-

сывай на свалку джинсы, их не отстираешь, не оберёшь! Уж в который раз отругала себя за легкомысленное увлечение.

А с этим заочным мальчиком никаких липучек? Пока нет, он интригует своим типично русским лицом, да и с типично русским именем Вячеслав Егорычев. Каков же парень наяву?

Она засмеялась своим эротическим мыслям: Славик – типичный русский парень, типичный русский мужик высокой комплекции, как и её надоевший поклонник, которого она попросту уже не любит, да, похоже, никогда не любила. То короткое увлечение считала теперь ошибкой. А без любви чиста дорога только до порога. Дальше слякоть и грязь.

Вовремя бы окатиться холодной отрезвляющей волной. Пока не хватает духу на этот ледяной ушат. Но скоро она его выльет на себя, несмотря на полугодовое плотное знакомство и его притязательные мечты.

* * *

Лететь Егорычеву предстояло несколько часов. Несчастные люди, верящие в гадание. Пустые слова не составляют ношу и не греют, как зимнее солнце.

Но разве недостаточно полёта, чтобы влюбиться? Сколько угодно историй, когда влюбляются с первого взгляда и на всю жизнь. А взгляд – это всего лишь миг в жизни каждого человека! К счастью, миг этот может протянуться да самой смерти. У Вячеслава в этом полёте ничего не выгорало: ночь не новогодняя, а полёт не самостоятельный. Гадание – полная чушь собачья, в лётное училище он никогда не собирался. У него уже есть интересная и нормальная профессия программиста, полученная в годы службы. На кусок хлеба заработает, а с маслом или только с солью, пожалуй, будет зависеть от него самого. Мама в его городе держит очень шикарное место в одной авторитетной фирме и с нетерпением ждёт его возвращения. Он будет летать по Интернету, знакомиться с девчонками заочно, как это ему удалось в последние месяцы службы. Неужели эти полеты имела в виду цыганка?

Всё может быть.

Он уселся в кресло самолета рядом с очаровательной блондинкой.

– Вячеслав, – представился он соседке и подумал: «Не она ли?»

– Светлана, – холодно ответила девушка и повернулась в сторону правого соседа. Слава заметил на пальчике дамы обручальное кольцо.

«Что и требовалось доказать, – успокоил он себя, – это совсем не тот полёт. И забудем о гаданье».

И услышал шелест кленовых листьев, а среди них шепот:

«Не торопись зачёркивать будущее. Помни!»

«Ладно-ладно», – загудели его мысли вместе с моторами. А мысли всё те же: о свободе, о будущей жизни, о маме, о встречах с друзьями, о той последней девчонке из Интернета без фото, но оригинальной, как ему показалось, и теперь ему не терпелось вновь с нею столкнуться фразами, как клинками на чемпионском поединке.

Его встречала мама. Всё такая же милая и нежная. Лгнувшая к сыну своим гибким станом, горя счастливыми, по-матерински влюблёнными глазами. Со стороны глянуть: сладкая парочка. Он, возмужавший, раздавшийся вширь, с обветренным лицом, а она моложавая, страстная, любящая, в светлом брючном костюме, с причёской каштановых волос под мальчика. Разница в возрасте пустячная. Любви все возрасты покорны. Ничего тут не попишешь...

Ехали с аэровокзала в машине мамино и его будущего шефа. Прямо в банкетный зал фирмы. Мама раскошелилась. С заработком ведущего специалиста это нормально и не разорительно. Зато, что называется, взять быка за рога и сына познакомить с шефом, но и показать кое-кому, кто тут бал правит, кто тут расставляет фигуры по своим местам.

Он выпивал сдержанно и не больше других, хотя хотелось оторваться на все сто. Но мама шепнула:

«Оторвёшься дома, у тебя будет неделя отдыха».

Неделя пьяного угара не состоялась. Просто не захотел сам. Собрались на другой вечер у него на квартире друзья, кто находился сейчас в городе, погудели до полуночи, и на этом все утети завязались. Отсыпался сутки. Потом потянуло к той девочке в Интернете. Дома своего компьютера не было, на мамино отрываться не хотел. Надо было ждать выхода на работу, затем непростое, но упорное вхождение со своими знаниями в систему фирмы. И того и другого оказалось маловато, пришлось бегать и брать уроки вечерами до поздней ночи по маминому протезе, какие уж тут девочки-незнакомки и мечты о полётах?! Раздвигать трудности оказалось непросто. Они поглотили его и окончательно вычеркнули из сознания шутку цыганки. Ну да бог с нею, если у цыган есть бог.

Но всё же он находился в своей тарелке и вскоре уселся в ней настолько прочно, что появились свободные вечера. И он вернулся к своей прежней подвижной жизни, по первому снегу – к лыжам, которыми увлекался с детства. Хорошо бегал, владел скоростным спуском с заснеженных гор, прыжками с самодельных трамплинов. Теперь они увлекли его по-настоящему. Он облюбывал одну крутую сопку на окраине дачного поселения, где мама имела дачу и часто бывала там летом и зимой. С северной стороны гора поросла мелким кустарником, который быстро покрывался снегами, а сам склон был крут, и посередине его торчала скала. Она плавно выходила из крутого склона и нависала языком на протяжении нескольких метров. Если со стороны смотреть – ваяние не иначе мастера древности для старта и полётов. Ещё мальчишкой, с ватагой таких же сорванцов, он прыгал с неё в сугробы и катился кубарем, поднимая снежную пыль, оглашая окрестности смехом и криком. Теперь он решил скалу приспособить под большой трамплин. Строить почти ничего не надо, лишь позаботиться об уборке кустарника на трассе да сбитым из досок коробом удерживать снег во время нечастых снежных метелей. Он строил трамплин с друзьями, а построив, стал учиться летать. Сначала были падения и огорчения, ушибы и злость. Но он учился, и однажды, когда стали полёты удаваться, он вдруг вспомнил о гадании.

«Не об этом ли полёте говорила мне цыганка?»

Зазвучала однажды услышанная песня Антонова: «Только в полёте живут самолёты, только в полёте растёт человек...» Эти строчки для него стали культовыми. Теперь он жил этими полётами, каждый свободный час посвящал им. Разгоняясь по склону сопки, он прыгал и улетал всё дальше и дальше. Сначала он никого не видел, кроме снежного косогора, теперь в миг полёта стал примечать своих друзей и зрителей, их восхищенные лица и говорил себе:

«Я летаю, я научился парить в воздухе, как птица. Ты права, цыганка, но где же твоя обещанная любовь? Я так по ней стосковался!»

«Она придёт в твой самый любимый праздник!» – слышал он пророческий голос.

«Пусть будет так, – соглашался он, – но мой любимый праздник – новогодняя ёлка!»

И Вячеслав поставил ёлку у трамплина. Она сверкала огнями гирлянд и привлекала к себе молодых и влюблённых, одиноких и тоскующих.

Об этом он рассказал своей знакомой девушке в Интернете.

Она увлеклась его полётами и жаждала сама встать на лыжи и научиться летать. Вячеслав пригласил заочницу на премьеру полёта, назвал адрес. Но встреча откладывалась: ей не хотелось разрушать романтику заочного знакомства реальностью бытия. Проза действительности, подобно американским киноужастикам, пугала и могла перечеркнуть тот ореол образа, с которым она жила на протяжении длительного с ним знакомства. Встречу перенесла на последний день года.

К новому полёту Вячеслав готовился тщательно. Пока не говорил о нём ни друзьям, ни маме, сказал только девушке. Он раскрыл свой гербарий, в нём лежали два кленовых листа:

первый его, второй – заочницы Слады Гордиенко. Какова она в физическом облике, Слава, конечно, не знал, но верил своему романтическому воображению и видел незаурядный облик, созданный для него. Она придёт к нему, та единственная королева его сердца. Он верил, что это будет ослепительная вспышка и она озарит всю его жизнь. Он верил и ждал. И хотя он обладал даром воображения как поэт, но в данном случае не мог представить, как всё произойдёт. Да и зачем разрушать тайну? Романтика тем и прекрасна, что полна тайн, которые держат человека в напряжении в предчувствии разгадки.

Он взобрался на сопку заранее и рассчитал всё до секунды: взовьётся в полёте в миг, когда ударят первые куранты. Целых двенадцать секунд, целую вечность ему парить в полёте!

* * *

Слада видела из машины, когда подъезжали к елке, стоящей у трамплина, лыжника, взбирающегося на кручу и наверняка собирающегося прыгнуть с трамплина. Она была уверена, что он прыгнет под бой курантов и посвятит свой полёт Новому году. Потому девушка торопливо выскочила из машины, вытащила лыжи и под голоса протеста своих спутников, которые готовили стол на капоте машины, быстро пошла к трамплину, чтобы поближе увидеть полёт этого романтика. Он прыгал для себя и для собравшихся зрителей, и для неё тоже. Кто он такой? Слада не знала, но была уверена, что он молод и красив, не такая зануда, как Буратинчик, которого палкой не загонишь на эту гору, чтобы в миг новогодней ночи спрыгнуть в новую сказку жизни, в которую по инерции наивной юности веришь. Слада думала о том своём собеседнике из Интернета, о его приглашении к полётам и была почему-то уверена, что именно он стоит на вершине и готовится к прыжку. Она торопилась не пропустить романтическое действие.

Вячеслав разогнался, а когда прыгнул и ощутил себя в полёте, увидел девушку в спортивном костюме: она шла на лыжах к елке и остановилась, заворожённая. Он приземлился рядом с ней. Взгляды их встретились, и он понял, что это тот единственный и драгоценный взгляд, способный превратиться в вечный. Он был ослеплен этим взглядом и приземлился у неё ног.

Она видела перед собой типичного русского парня, русоволосого, с серыми глазами, с тёмными вразлёт бровями, округлым лицом и волевым ртом, с едва заметной синевой щетины на подбородке.

– Ах, какой великолепный полёт, какое точное приземление! – воскликнула она. – Какое счастье видеть романтика у своих ног!

В руках она держала лыжные палки и бокал с шампанским.

– Назовите своё имя, я выпью новогодний бокал за вас!

– Вячеслав, – сказал он, припадая на одно колено, не спуская с девушки глаз. – Но скажите и вы своё, чтобы его именем я назвал только что состоявшийся небывалый прыжок.

– Любослада, – сказала девушка. – Я пью за вас, Слава!

– Слада, ну как ты огорчаешь! – услышал Вячеслав сердитый мужской голос. – Мы без тебя не можем встретить Новый год и опорожнить бокалы с шампанским!

Любослада сняла со своей изящной ручки перчатку и протянула Вячеславу.

– Возьмите на память о нашей встрече, к сожалению, меня ждёт компания. До встречи, отважный!

Двое парней подхватили девушку под руки и покатали к машине, что стояла неподалеку от елки с горящими фонарями. В первый же миг он успел заметить, что на безымянном пальчике нет обручального кольца, во второй миг он запомнил номер машины, которая вскоре увезла Любосладу.

Он не запомнил цвет девичьих глаз, точнее не успел разглядеть из-за сумрака ночи и слабых елочных фонарей, но он запомнил их красоту и глубину взгляда, проникнувшего в его сердце. Он разглядел все тонкие черты свежего лица, видел его одухотворенность и порыв

сердца к необычному деянию этого новогоднего полёта, а может быть, встречей с летающим лыжником, той новогодней атмосферой, которая накачивает легкие озоном. Этот воздух приподнимает не только настроение, но и самого человека над его бесконечной мирской суетой в вечно движущемся времени. Но он запечатлел в своём сердце весь образ девушки. Схож ли он с тем образом компьютерной собеседницы, который складывался у него от общения с ней?

К Вячеславу бежали друзья, чтобы поздравить с прекрасным полётом в Новый год, но он сорвался с места и, как одержимый, бросился на сопку, чтобы побыть одному и совершить второй полёт в честь пророчества цыганки.

«Почему она сказала „к сожалению“? Ей не совсем мила компания, в которой она встречает Новый год?»

И через секунду он считал себя самым влюбленным человеком, но самым несчастным, потому что у неё уже есть своя компания и, конечно, любимый человек. Такая девушка не может не любить, не быть любимой.

А он только лишь влюбленный, ведь цыганка сказала о встрече, но ничего не сказала о том, ответная ли будет его любовь?

«Помни! – шелестел её голос листочками клёна. – Но остерегайся. Тебя ждут любовные приключения».

Да-да, эти слова он помнит. Чего уж тут остерегаться, когда жаждет любовных приключений. Они уже начались. Он встретил единственную, и это не сон, вот задаток – перчатка, приятно пахнущая тонким ароматом духов. Он помчится за девушкой и найдёт свою Любосладу. Только бы она не принадлежала никому!

Перчатка с правой руки не случайна. Это символ свободного сердца. Да-да, на пальчике не сверкало обручальное кольцо. Этот жест – дар надежды!

Сейчас он совершит второй прыжок в честь пророчества цыганки и разопьёт с друзьями новогоднее шампанское, которое спрятано под елкой.

Он прыгнул. Он летел, и ветер свистел в ушах голосом цыганки. Он кричал ей слова благодарности за пророчество и готов был щедро позолотить ручку.

У елки стояли его мама и друзья. Они кричали, восхищаясь его полётом, торопили быстрее выпить бокал шампанского за Новый год. Расспросить о незнакомке, что подарила ему свою перчатку и укатила в неизвестном направлении.

– Мама, друзья мои, цыганка сказала мне правду! Я разыщу девушку и приглашу на пир своего счастья!

– О какой цыганке, о какой правде ты говоришь?

– Я расскажу вам всё, друзья мои, с этой минуты я влюблён! Давайте выпьем за любовь с первого взгляда! – и он в нескольких словах поведал свою историю. Восхищенные, они наполнили бокалы и выпили за любовь с первого взгляда. За его любовь!

Вячеслав чувствовал, что за неё придётся бороться. Кто его соперник, не имел понятия, номер автомашины поможет навести справки.

2

Полковник Иванов отбивал с гвардейцами десантно-штурмового полка упорные атаки укронацистов, стремившихся расширить плацдарм на реке Ингулец. И тем и другим доставалось на орехи изрядно. В окрестностях полыхало осеннее цветение, дни укоротились, мягкая прохлада воспринималась организмом легко и даже с благодарностью, с реки и лиманов ветры приносили влажный воздух, чаще всего утрами. Но бывали солнечные по-летнему жаркие дни, приносившие с передовой тяжёлые запахи трупов. Павших с поля боя враг всех забрать не успевал, поскольку штурмовики полка то и дело контратаковали, стремясь вернуть утраченные сотни метров, а иногда десятки метров плацдарма. Он, как меха баяна, то сжимался, то расширялся. Нацисты к вечеру откатывались под крыши опорников, которые быстро создавали на отвоёванной площади.

Вражеские группы штурмовикам полка приходилось самим убирать ночами и хоронить. Иначе на передке задохнёшься от приторно-сладковатого воздуха, настоящего на мертвечине. Павших перед погребением досматривали, отыскивая документы. Их частенько у многих не было, у тяжелораненых, не сумевших самостоятельно убраться к себе, – тоже. Счет велся скопом, раненые могли назваться любым именем с целью отгородиться от причастности к нацистской когорте, от тех зверств, какие творили бандеровцы с русским населением и теми пленными солдатами, что нередко оказывались в руках противника на всей длинной линии соприкосновения. Сознать такое положение полковнику в его зрелые годы тяжело, закалённому схватками в горячих точках страны, особенно в Чечне, тем более ощущать на своей шкуре, имея в полку без вести пропавших четверых солдат из мобилизованных. Он требовал от начальника штаба подполковника Санина и непосредственного командира роты подробности случившегося. Андрей Осипович такого же возраста, как и он, энергичный и вдумчивый, с широким носатым лицом, чёрными широкими усами, с твёрдым командирским голосом, выглядел моложе благодаря поджарой невысокой фигуре. Он сам вел тщательное расследование потерь бойцов и доложил командиру о разработанных мерах, позволяющих не допускать вопиющих проколов. Офицерский состав полка обязан глубоко вникать и планировать до мельчайших подробностей любую операцию, не полагаться на удачу и ложное самосознание, что мы гораздо лучше подготовлены, мотивированы и по всем параметрам превосходим противника. Своя переоценка возможностей зачастую обходится боком. Эту неприятную тему Иванов держит под прицелом и заостряет её в требованиях к своему новому заместителю по военно-политической подготовке майору Подлесному, в недавнем прошлом интенданту. Он назначен приказом комдива в сентябре после ранения прежнего заместителя, отличного боевого офицера. Послужной список майора пестрит переводами из части в часть, что настораживало. Почему? Не справлялся с обязанностями? Судя по проявленной энергии при первом знакомстве, вряд ли что-то другое. Это другое предстояло выяснить в ходе службы, а пока дарёному коню зубы не смотрят. Придётся работать с таким, каков есть, находить общий язык, натаскивать на боевой лад.

Иванов это делать умеет. Боевой опыт позволяет на своём примере доказывать многие истины. Федор Иванович был из тех офицеров, которые учились при советской власти и в школе, и в училище. Поскольку присягал советскому народу и правительству, то обязан служить в новом государстве с новым капиталистическим строем, жить и работать с теми же людьми, довольными или недовольными переменами, бессмысленно ворчащими или чего-то добивающимися, перестраиваясь в новом течении. Точнее, умеющими приспособливаться жить в новых условиях, ибо деться им некуда с приписанным народу одним и тем же отечеством. Он же обязан продолжать служить или уйти в отставку. Он решил служить, поскольку

народ вокруг него тот же что был всегда невезучий и оболганный, но стойкий в невзгодах, как и он сам, и всё же требующий защиты.

Внешность Иванова была броско офицерская – стройная спортивная фигура, с годами слегка погрузневшая, но тогда привлекающая внимание многих красноярских девушек, одна из которых, Надя, стала его женой на последнем месяце учебы в училище. Сначала на его долю выпали несколько лет спокойной службы в Красноярском крае, потом пошли прыжки и скачки с места на место, поскольку характер и знания продвигали офицера в досрочном присвоении очередного звания, а с ним и рост в должности. Смертельно опасные месяцы службы в Чечне вместе с быстро растущим Сергеем Суровикиным, и снова надолго прописка в Ростове-на-Дону. И вот он под Херсоном со своим десантно-штурмовым полком, сформированном два года назад.

Давление украинских войск на Ингульце усилилось, и каждый день приносил новые и новые неприятности. Они почему-то создавали брезгливость ко всему свершающемуся, словно гадостная крыса, попортившая сыр и колбасу с хлебом, которыми собирался пообедать на скорую руку. Новая неприятность вползла в его штаб и перепортила и без того не радужное настроение. Полк терпел неудачу. Плацдарм у малой реки настолько был расширен, что его гвардейцы могли быть сброшены в Днепр. Снабжение боеприпасами ухудшилось из-за частично разрушенного Антоновского моста – главной артерии снабжения. Генический автомобильный мост ценой своей жизни подорвал украинский минёр Виталий Скакун и стал народным героем Украины. Факт диверсии – с нашей точки зрения, подвига с украинской стороны, говорит сам за себя: противник хорошо мотивирован, это надо признать, прекрасно обучен и отважен. Он такой же упёртый в своей решимости, как и мы, поскольку славянский корень один, а нацистско-бандеровская пропаганда вылепила из людей непоколебимого русофоба, словно никогда не было братской дружбы в царское и особенно в советское время. Неужели движение к расцвету державы, как мы считали все эти годы, – сплошная ошибка? Горькие цифры и факты: перед Первой мировой войной нас насчитывалось 180 миллионов человек. Потери на войне, из-за голода и гражданской бойни к 1922 году дали гигантскую убыль – нас оказалось всего 150 миллионов человек. А ведь женщины за эти годы продолжали рожать детей, хоть и в меньшем количестве, но рожали! В дальнейшем новый голод, раскулачивание, репрессии... Убеждение в движении страны к светлому будущему держалось на страхе за железным занавесом, за которым время от времени то поднималась, то опускалась температура советского общества, пока холодная война не привела руководство страны к небывалому предательству. Любое предательство всегда гнусно. Масштабы этой подлой измены невообразимы, как Вселенная, – никогда, ни в одной стране мира не было предательства такой разрушительной силы. В нашем случае оно грандиозного планетарного масштаба – разгром величайшей державы мира и нивелировка Победы в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой. Удивительно то, что народ не встал на защиту развалившегося государства. Не в пример тем сплочениям масс в период многочисленных нашествий врага. В чём главная мотивировка сплочения? Народу не нравилась вражеская рука с заряженным пистолетом, наведенного в лоб.

«Минутку, мы, нынешние солдаты, тоже прекрасно мотивированы правотой освобождения украинских земель и народа от фашистской идеологии, – оправдывал своё здесь присутствие Иванов, боясь того, что его могут уличить во лжи самому себе. – В этом вся наша правда. Или все-таки у каждого своя правда? И нет единой, всеобщей правды? Врёшь – есть. Она видна в том сплочении нашего народа, какое наблюдается во всех регионах державы, из их глоток вырывается пламя правды! Растёт понимание того, что за спиной украинской армии протянутая довольно мускулистая и щедрая рука Запада всё с тем же заряженным пистолетом. Более того, пистолет этот богато подкреплён долларами. Он вершит войну руками обманутых славян-мужиков и купленной киевской верхушки».

Подобные размышления приносили успокоение в том, что армия, страна на верном пути. Однако положение полка от такой правоты не улучшалось, и воевать практически становилось нечем. Наведённые понтонные мосты были легкой добычей дальнобойной артиллерии врага и не могли обеспечить потребность войск, к тому же за лето на это снабжение подсело население города, поскольку весь север и запад области обрзан противником и подпитка шла только с юга, всё через этот же Антоновский мост.

Артиллерийская поддержка полка значительно сократилась, пехота осиротела, поскольку арта в этой жестокой и странной войне имела решающее значение. Для подавления живой силы в окопе или блиндаже можно не ходить в атаку. Достаточно получить точнейшие координаты траншеи с блиндажом, орудия или целой батареи, и шквал реактивного огня выжжет всё живое до основания, а высокоточные ракеты вскроют любой наспех сооруженное укрытие.

У него в полку, да и в дивизии со связью, как всегда, во все времена, дело – дрянь. У противника на порядок, а то и на два лучше. Не украинская связь, им-то куда со свиным рылом, промышленность вовсе деградировала за годы самостийности – дают связь западные службы, считай, всей технологичной Европы, у которой мы всё время побираемся, и так же безукоризненно служит развернутая американская спутниковая связь. Что такое связь во все времена, а тем паче сейчас, доказывать не надо. Извещён – значит, вооружен.

Внутреннее брюзжание полковнику самому не нравилось. Как не брюзжать, если фронтовая надежда на нового главкома, прозванного в войсках генералом «Армагеддон», дававшего жару террористам всех мастей в Сирии, и здесь устроит баню украинцам, – оказалась мыльным пузырьком. Опять переоценили свои возможности: высокое боевое качество армии, занизив его у противника. Шло это от той легкости, с какой был занят Херсон и остальные прилегающие к нему посёлки области на правобережье. Своеобразный блицкриг. Постреляли немного, нацисты оказали слабое сопротивление и отошли, но упорно готовятся к многодневному штурму. Проведённый в конце сентября референдум – о вхождении области в состав России – показал успех, но и вскрыл ложную устойчивость войск Херсонского гарнизона.

Итоги референдума не зачеркнёшь, но он искривил общее понимание складывающегося тяжёлого положения на этом направлении. С точки зрения действующего на передовой полковника Иванова, то есть прямого участника боёв, надо бы по его разумению приложить все усилия к тому, чтобы отбросить украинскую армию на недостижимую дистанцию для дальнобойной артиллерии. Как-никак, областной центр в руках! Мысль верная, попытки были, штурмовые подразделения ходили в сторону Николаева, но пресечены врагом. Попросту для такой операции нет сил. Натиск же противника усиливался по всей линии соприкосновения. Осенью наша армия оставила большие территории и города в Харьковской области, в Луганской Народной Республике, хотя она полностью контролировалась народом. Для латания дыр была объявлена мобилизация трехсот тысяч резервистов, в числе которых к нему попал сибиряк сержант Бугаев, виновник очередной неприятности. Оттуда же прибыл в полк, пройдя специальную подготовку в учебном центре, толковый программист старший сержант Егорычев, который за короткий срок вместе лейтенантом Гладышевым после потерь личного состава связистов наладил оперативную работу технических средств штаба полка.

Более того, на левом берегу Днепра строится мощная оборонительная линия, быстро получившая название – «Суровикинская». Активизировалась эвакуация жителей Херсона и посёлков. Народу много, только в одном областном центре более двухсот тысяч детей, женщин, стариков, рабочих коллективов, предприятий и учреждений, голосовавших за вхождение в состав России. Попади они в руки нацистов, пощады не будет. Не начнётся же эвакуация предприятий, как это было во время гитлеровского нашествия? Красивый город с набережными, лиманами, утопающий в роскоши южной зелени обезображен артиллерийскими налетами и пожарами.

Полковник Иванов откинулся на спинку стула. На его неулыбчивом и осунувшемся за последнее время лице появились усталость и страдания. Пропал аппетит, на что никогда не жаловался и даже, как казалось, сбросил в меру упитанный вес. Он закурил, задумался. Неприятность эта, как может показаться, плёвая, материального ущерба полку не принесла, а вот морали и чести – да. И кто виноват – первый в полку орденоседец.

Сержант Бугаев, мобилизованный в сентябре, быстро вписался в полк командиром отделения штурмовиков и разведчиков. Ему вполне хватило месячной военной подготовки в тыловой базе, чтобы обрести форму активного бойца. Долго готовиться не давала обстановка на передовой. Отбирали лучших резервистов, формировали команды и забрасывали в горячие точки фронта. Во время боевого слаживания Бугаев вышел с неполным отделением к дороге, по которой на плацдарм шло подкрепление, и столкнулся с противником. Не растерялся, атаковал. Лично из гранатомета уничтожил боевую машину пехоты вместе с находящимися внутри солдатами, подорвал из этого же гранатомета гаубицу, идущую на позицию, а его ребята добились в тягаче расчёт артиллеристов. Ответным огнём Бугаев был тяжело ранен. Его вынесли к своим штурмовики отделения. Сержанту ампутировали ногу, поскольку голень была раздроблена пулей крупнокалиберного пулемёта. Буквально вчера вместе с командиром дивизии сержанту Бугаеву вручили орден Мужества. Парень при хорошем настроении, улыбался, благодарил командование за заботу, а сегодня донесли, что он устроил в госпитале скандал: напал на военнопленного Высочина, которому удалили почку, и тот лежит с другими пленными в отдельной палате.

Инцидент произошёл вечером после награждения и обмывки ордена. Бугаев вошёл в палату в тот час, когда больным давали капельное лекарство. Сержант со словами: «Лечитесь, гады!» ударил костылем по стойке, порвал тонкую трубку, подающую лекарство, стойка упала на голову лежащего, рассекла бровь. Сержант ринулся было ко второй капельнице, но в палату влетела медсестра и остановила разбушевавшегося пациента. Всё понятно, гвардеец сорвал на Высочине злобу из-за своего увечья.

Владимир Бугаев отслужил срок в десантных войсках стрелком, вернулся в родное село, поступил в производственное техническое училище в Миндерле, получил специальность машиниста-тракториста широкого профиля и устроился на работу в дорожно-строительную организацию сначала в качестве бульдозериста, потом пересел на погрузчик, строил дороги и тяготел к самостоятельному делу. Отец видел, как сын успешно трудится на технике, помог купить ему новый экскаватор-погрузчик, и парень стал в выходные и вечерами подрабатывать на копке траншей для прокладки водопровода и отопления в частном секторе райцентра и прилегающих к нему деревень. Заказов было много, Владимир зарабатывал хорошо, копил деньги на строительство своего дома. Участок земли отец выхлопотал в зоне частного домостроения, целых двадцать соток, где можно в достатке выращивать картошку, овощи, держать любую живность. Имея свою технику, желание, житейский и профессиональный опыт, мужики не сомневались, что осияют строительство дома. И как только хоромы будут готовы – можно женить сына. За такого парня любая девчонка выскочит. Но Владимир с выбором не спешил. Школьной любовью переболел, а теперь она что-то не стучалась в его сердце, да, собственно, ему некогда было влюбляться: труд и погоня за будущим благополучием съедали всё время, притупляя чувства. Но какие его годы – успеет наженихаться. Однажды по весне, как случилось перед выпускным, под солнечной каплей и у него зажурчит к какой-нибудь девушке ручеек.

Но эта жизненная идиллия была прервана специальной военной операцией. В сентябре последовала мобилизация резервистов. Стрелок ВДВ сержант Бугаев загудел в первую очередь.

«Почему же я брюзжу, – осуждающе беззвучно ворчал на себя полковник, мучительно чувствуя не свою вину за создающееся положение на передовой, – вероятно, от накопившейся усталости и посыпавшихся неудач и неприятностей?»

В чём эта «не своя вина», Иванов мог ответить, назвав причины отступления войск не только на Херсонском направлении, но в целом на фронте. Он этого никогда не делал, не делает и теперь, зная, что сотрясать воздух глупо и бесполезно. Обстановка за последние недели крепко напрягала, он осунулся и сделался более молчаливым, хотя и раньше был не очень разговорчив, используя чисто командирскую лексику, в чём его упрекала жена Надя. Зато она, как и большинство женщин, задавая вопрос, можно сказать, сама отвечала на него, расписывала его настроение и своё тоже, решая какие-то проблемы быта, а нередко персональные, и он любил слушать её милые суждения, не перебивая, а только покачивая головой в знак согласия или возражения.

3

В январе этого судьбоносного года Иванов с женой выдавал замуж дочь за капитана-речника в Волгограде. Отпуск был краткосрочный. Впечатлений, что и говорить, вагон. Он видел главное: дочь была счастлива от своего замужества и от того, что папа смог приехать на свадьбу. Она знала, что у него напряжёнка: идет пополнение полка до штатного расписания, а это, кроме расквартирования в казармах, обучение личного состава. В прилегающей к Донбассу территории люди чувствовали приближение грозных разрядов, они передались невесте через маму, волновали и настораживали. Отец, разумеется, был скуп на разъяснения: почему кадрировочный полк с полным штатом офицеров и одной штатной ротой стал срочно пополняться до полного штатного расписания? Она хорошо понимала значение этих формулировок, что тревожило и вызвало вопросы. Напряжёнку чувствовала мама не только потому, что находилась рядом с папой, но и по той атмосфере, царившей в городе. Она видела изменение в настроении мужа, всепоглощающую занятость и, конечно, не могла не поделиться с дочерью опасениями и выводами, что дело идёт к грозе. Рано или поздно она грянет с Украины, которая стремится наказать строптивые области, стягивая к ним крупные силы, от натиска которых вряд ли устоит ополчение республик. Жители ждут не дождутся, когда Россия откликнется на просьбу – защитить, протянуть руку помощи и взять под свое крыло, как взяла Крым. Волнение дочери отец видел, успокаивал. Праздничная кутерьма делала своё дело, свадьба шла по задумке, милая и волнительная, какой должна быть при взаимной любви, добре, с мечтой о будущем счастье.

Получилось так, что полковник возвращался в Ростов на скором поезде. Квартируя там несколько лет, его полк в течение последних месяцев действительно пополнился до штатного расписания военного времени. Происходило это на фоне давления украинской армии на Донбасс, и офицеры ожидали непростых перемен. Надя, жена, с ним назад не ехала, осталась на некоторое время у сватов, чтобы помочь дочери обжиться в новом статусе. Потеря во времени поездом небольшая, практически ехать одну ночь и утро. Зато можно прекрасно выспаться, расслабиться от забот и предаться приятным воспоминаниям от свадебной суматохи, знакомства с женихом, сватами, чувства удовлетворения за дочь и своей значимости в этой жизненной приятной неизбежности. Полсуток покоя – это же здорово! Под мерный перестук колёс, хотя в современных вагонах его не слышно, только легкий шумок от скорости, но вообразить можно. Он любил поезда больше, чем самолёты, скорее всего потому, что отец у него всю жизнь водил поезда в Сибири, и каждый год семья ездила в отпуск в Сочи бесплатно. Отец видел сына железнодорожником, но, увы, парня увлекла военка.

В купе скорого поезда вошёл последним. Там находились пожилой обрюзглый пенсионер с колючими глазами, в которых угадывался упрямый характер человека, и двое молодых мужиков. Один из них – моложавый с профессорской тёмной бородкой-клинышком в джинсовом новом костюме, как выяснилось, фермер, по профессии механик. Второй, моложе, – говорливый аспирант-историк. С остроносим птичьим лицом, он казался задиристым и готовым вспорхнуть и полететь впереди поезда. По закону путешественников, тут же все четверо познакомились, пожимая руки. Несколько тщеславный аспирант, словно давнему знакомому, стал излагать суть будущей диссертации фермеру Антону. Видно, содержание очень волновало студента.

– Это, знаете, как бы подступы к моей научной работе – проблемы Брестского мира, очень влияющие на мировые события, но больше всего касаются Украины и России. Как говорится, палач целился в шею, а отрубил руку. Мне важно увидеть: насколько доходчиво я могу излагать проблему, как поймёт этот «мир» мой новый товарищ, ранее не интересующийся вопросом и вытекающими из него последствиями. Да и вы, товарищ полковник с пенсионером Петром

Александровичем, чувствую, в прошлом имея связь с партией, носите устоявшееся мнение, что бытовало во времена коммунистической диктатуры.

– Любопытно послушать, хотя я собираюсь выпасться, не вступая ни в какие дискуссии, и, заверяю вас, накануне развала Союза я был всего лишь безусый лейтенант, так что к партии имел довольно косвенное отношение через комсомол.

– Успеете выпасться, наша дискуссия продлится не более часа.

– Я учился в школе в советское время и знаю, что сам вождь называл этот сепаратный мир кабальным за громадный урон в людях, в землях и в деньгах, – с вызовом сказал фермер, не считая себя простаком. – У меня успешное смешанное хозяйство – зерновые и откорм крупного рогатого скота. Оно, брат, требует много чего. Без техники, а главное без головы, вылетит в трубу.

– Не сомневаюсь, однако мой стержневой вопрос – каковы политические и международные последствия вы можете изложить, приятель? Пасуете! Я вам изложу доходчиво. Ты как фермер знаешь, почём фунт лиха как зернового, так и мясного пуда достаётся. Знали и наши крестьяне. Кроме шести миллионов марок, выплаченных немцам, крестьянство оторвало от себя 60 миллионов пудов зерна, крупяных продуктов и семян масличных культур, 500 миллионов штук яиц. Не говорят ли вам эти объёмы о причинах последующего голода в результате выгребаловки с помощью продразверстки? В счёт контрибуции. Ты по сколько берёшь зерна с гектара?

– Я вхожу в лидеры по ячменю – сам сею, сам молочу – 50 и более центнеров с гектара. Ячмень более продуктивен на откорме.

– Похвально, а мужик в начале века получал в несколько раз меньше. Где ему было наскрести такой вал, себя прокормить и семена засыпать? Пять тысяч хозяйств ограбили. Немцы получили от большевиков три миллиона пудов живого веса крупного рогатого скота. Во что каждый пуд обошёлся крестьянину, каким потом и голодом?

– Постой, посчитаю, сколько голов ушло неметчине?

– Всё уже посчитано, Антон, около 12 тысяч голов на то время, если учесть невысокую продуктивность мясного скота.

– Я быков меньше как полтонны не сдаю, а тогда, поди, в два раза меньше шли бычишки на убой?

– Разумеется. Выгребаловка эта пошла с первых дней подписания Брестского мира. В хлеботородных губерниях породили голод!

– Мой дед помнил те голодные времена, рассказывал, но скупно, боялся рот открыть: за язык расстреливали, не щадя никого. Пулями отоваривали щедро, – хмуро известил фермер.

– Вот почему кабальный мир! – воскликнул аспирант, радуясь тому, что возбудил у фермера интерес.

Полковнику все эти цифры были знакомы, изучены и забыты и теперь стали вызывать интерес в связи со сложившимися военными действиями на Донбассе, которые считались за Россией со времен покорения Крымского ханства, суворовских побед над турками на суше и адмирала Ушакова на море. Фаворит Екатерины Великой, светлейший князь Потемкин, с качеством основывал на обширных площадях хутора, станицы и города, которые стали называться Новороссией. Аспирант громко вещал дальше:

– Империя лишилась огромных территорий, где жили 56 миллионов человек. Представляете, одна треть населения империи. Даже земли Грузии были оттяпаны, Батум, например. Ушла Прибалтика. Польша и Финляндия получили независимость. Но бог с ними, это не наша кость, но Украина тоже обособилась. А это уже славяне с русской кровью и обычаями, культурой и традициями, верой православной. Кроме продуктов крестьянства, в Германию шли эшелоны с лесом, железной и марганцевой рудой, с чугуном и сталью, чего у немцев архи не хватает.

– Часть Черноморского флота была затоплена ради того, чтобы не оказалась добычей немцев, – ввернул свои знания фермер.

– Совершенно верно. Это всё урон от сепаратного мира. Но я скажу о более существенных потерях с точки зрения современности. Ослабление России, точнее поражение в Первой мировой войне, хотя она стояла на пороге победы, принудило советское правительство, возглавляемое Лениным, отдать Украине всю Новороссию. Заткнуть рот поднимающим головы националистам, с которыми Сталин потом жестоко боролся. Вот где собака зарыта в сегодняшнем противостоянии киевского режима и Донбасса.

Иванов тоже мог бы, по примеру фермера, блеснуть историческими скрепами, но не стал вклиниваться в разговор. На одном авторитетном казачьем круге генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин сказал: «Кзаки, заселяйте отбитую у недруга русскую степь от черниговских земель до Черного моря на юг, на запад до Киева, по Дону на юг и восток. Берите эти земли под свою опеку, служите матушке России животом и честью. Присягайте государыне нашей Екатерине Великой. Она вам волю даёт, а вы дайте ей верную службу!» Кзаки исполнили наказ Потёмкина.

– Как ещё Ростов мой не отрезали даром! – Антон закрыл глаза и покачал головой, воображая свою неудобу в таком случае.

– Как вы думаете, товарищ полковник, могли согласиться с таким грабежом русского народа русское патриотическое офицерство и интеллигенция в 1918 году, те, кого обманом не расстреляли и не потопили на баржах? И лично вы как современный офицер и патриот-защитник Отечества могли бы согласиться с такими репарациями?

– Вы меня провоцируете, молодой человек, я офицер и присягал Отечеству!

– Взгляните с точки зрения гражданина, а не полковника, – не сдавался аспирант.

– Я не могу отделять свою профессию от гражданства страны. Я – это полковник Иванов, защитник Отечества. Другой позиции быть не может. Другое дело, считаю ли я ошибкой заключение мира или одобряю? Об этом красноречиво сказал нацистский переворот в Киеве, превращение граждан Новороссии, особенно Донбасса, в безликое население с требованием забыть свои национальные корни и язык. Я добровольно встану на его защиту. – Иванов сидел на своей полке у столика, намереваясь заказать стакан крепкого чая, ожидая проводника и поглядывая с нетерпением на дверь.

– Легко сейчас судить, – заскрипел простуженным голосом пенсионер, – в то аховое время надо было удерживать народную власть, руководимую большевиками. Я дам иную интерпретацию по Новороссии, высказанную вождём: аграрную Украину надо было поддерживать рабочим классом, который шёл авангардом во всей Новороссии, особенно в Донбассе.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся аспирант. – Власть узурпировали в России большевики. Среди них подавляющее большинство – евреи. Вдумайтесь: более четырехсот комиссаров на ключевых местах правительства, многие из которых вместе с Троцким приплыли на кораблях из Канады и США. Они плохо говорили по-русски, но представляли исполнительную власть – основу любого строя. Люди иной веры, иных обычаев, стремлений, алчные ростовщики и дельцы, надевшие на себя маску революционеров, вдруг обеспокоились заботой о русском мужике! Я это подчеркиваю! У них, как и у Троцкого, была задача вообще захватить всю Россию, расчленив на отдельные национальные штаты, превратить в сырьевой придаток Запада с белыми рабами – нами, славянами! Вот какова стратегическая цель октябрьского переворота. Он ничем не лучше киевского, только с более тонкими дурительными лозунгами: «Долой самодержавие», «Долой войну», «Вся власть Советам» «Земля крестьянам, фабрики рабочим». Только цель этих псевдореволюционеров охранялась пулями в затылок.

– Кто это вам напел в уши такие песни? – зло сказал пенсионер. – Ленин, Троцкий, Свердлов прекрасно знали русский язык. Это бесспорно. Они мечтали о коммунизме.

– Личные мечты никому не вредны, но мечтание мировыми масштабами преступно! Названные личности – полиглоты. А вот Луначарский, нарком просвещения, с трудом изъяснялся по-русски, Дзержинский не желал изучать русский язык и даже получал нагоняи в детстве. Он был жестокий человек, особенно к русской интеллигенции и офицерству.

– Вы, молодой человек, мелко копаете историю. Ваши посевы не дадут хорошего урожая. Большевики, кто бы они ни были по нации, зажгли новую эру общественных отношений. Они зажгли, повторяю, эру коммунизма.

– Угробили на полях сражений, на стройках социализма миллионы жизней, а эра эта в России захлебнулась от предательства партийной верхушки, и произошла реставрация капитализма, в худшем варианте – олигархическом, – запальчиво отстаивал свою точку зрения аспирант. – Я не признаю насильственную смену формации, а только эволюционный путь. Путь этот – тугая резина, растянется на века с формированием высоконравственного общества, и он только тогда будет устойчив, как был устойчив сначала рабовладельческий, затем феодальный, далее капиталистический строи. Всему своё время. Не надо торопить вращение Земли. Любое ускорение приведёт к краху цивилизации, миллионам смертей, а каждый человек рад солнышку и надеется уйти в мир иной без посторонней помощи.

Полковник Иванов не хотел больше бесплодно дискутировать, выпил предложенный проводником стакан чаю, вышел в тамбур покурить, а вернувшись, попросил проводника устроить постель на нижней полке, улёгся отдыхать. И все же мысли о прошедшем разговоре некоторое время гнездились в голове, гремели скелетами обреченных, орущей красноармейской конной лавой, холодными ветродуями на стройках, призрачной далью счастья и слегка раздражали своей аморфностью, но и непровержимостью. Он сквозь дрему слышал продолжающийся тихий разговор между аспирантом и фермером, приводимые аргументы были далеки от сегодняшней действительности, а лишь косвенно влияли на события в предположениях, возбуждали интерес и не давали уснуть.

– Вы мешаете отдыхать, – не выдержал Иванов.

– Полковник, будьте честны с собой, вам мешают высказанные мной предположения?

– Да, потому прошу замолчать.

– Умолкаю, но, признайтесь, вас взбудоражила моя логика?

– В моём ответе нет смысла – ничего не изменится!

Аспирант умолк, а Федор Иванович постарался отключиться.

Дискуссия в вагоне вспомнилась сейчас под гнётом неудач. Отметил, что аспирант хоть и неумело, но выстроил мост оттуда в сегодняшний день. Битва идёт за людей Новороссии. Не будь она бездумно прирезана к Украине – ничего подобного бы не случилось. Тут он прав. Представить, каким карликом могла быть Украина, нетрудно. Всего несколько западных областей с Киевом. Кто бы в неё стал вкладывать деньги, чтобы так подло и внушительно пихать палки в идущий российский дилижанс, теперь с олигархическим капитализмом? Пожалуй, бандеровщина с нацизмом не смогли так ядрёно вырасти и расцвести, а увянув, были бы выброшены на помойку. Бугаев неспроста напал на пленного Высочина. Это всё оттуда тянет кровью застарелых политических ошибок наших вождей. В ещё большей степени это касается Крыма. Без юридического обоснования при устойчивой власти и спокойствия в стране полуостров передан в состав Украины. База Черноморского флота! Президент Путин такой ошибки не допускает. На старо-новых территориях проведены референдумы. Не подкопаешься! Тут сыграл прежний опыт и юридическая подкованность, тонкое понимание норм права.

И вот что озадачивает: знали и раньше о непосильном и несправедливом Брестском мире, но так остро все издержки не принимались, а теперь ударили больно, словно произошло вчера у него на глазах. И он сидит теперь с синяками во всё лицо. У него-то да, у заместителя майора Подлесного – нет, потому что не заморачивается никакими дискуссиями, а живёт по принципу:

моя хата с краю. Несдержанность сержанта Бугаева из другой оперы, в которой нет безразличия, а актёры своей игрой стремятся расставить акценты и донести до зрителя.

– Всегда ли удаётся познать и извлечь жизненную изюминку из политических казусов? Безопаснее просто плыть по указанному течению. Целее будешь. А что получается: выпрягся мужик, хоть и героический, а оглоблю сломал, себе навредил, – высказал свои мысли по этому куражному случаю Подлесный, этот расторопный майор, моложавый, с сытой физиономией, чем-то неприятный Иванову, возможно, тем, что имел своё мнение по политическим вопросам, в том числе и о происшествии в госпитале. – Молодчик должен понести наказание в назидание другим.

Командиры работали в полковом блиндаже, сооруженном месяц назад на косогоре. Рядом находился наблюдательный пункт с хорошим обзором местности на краю небольшой лиственной рощицы. Она сбрасывала листву, обнажая подъездные пути, и рощица стала просматриваться беспилотными аппаратами, которые всё чаще стали появляться, вынюхивая вкушенькую поживу, каким может стать этот полковой блиндаж. Вместе с падением листвы терялся комфорт присутствия здесь штаба и наблюдательного пункта, по которому уже дважды сыпали крупным горохом из-за Ингульца тяжёлые орудия, но клали снаряды неточно.

– Русских людей жгут в Одессе десятками, уничтожают сотнями в Донбассе лишь только потому, что славяне не отказываются от своего языка, не переходят на придуманный украинский, – негодуя, сказал Иванов. – Казаки Запорожской Сечи у Гоголя, говорили на русском, с примесью областных словечек, которых со временем накопилось много, и они легли в основу общения тамошнего русского же народа.

– Чем плох этот язык? Цветистый, образный, песни какие напевные, – энергично возразил Подлесный.

– В те времена малороссов нетрудно было понять в разговоре, а сейчас – без переводчика не суйся. Язык сочинили и превратили в самостоятельный и враждебный. Нужна ли нам эта несуразица на исторически русской земле?

– Перехлёсты есть. Также перехлёт вышел и с Брестским миром, о котором вы мне напомнили. Согласен – влияние на теперешний военный конфликт имеет колоссальное.

– Влияние – мягко сказано, главная причина.

Они не успели плотно сойтись за этот неполный месяц совместной службы и перейти на «ты». Первый шаг в этом случае должен был сделать сам Иванов, но он не желал фамильярничать с подчиненным. Очень мало вместе съедено каши и выпито водки. Далекое не столько, как, к примеру, с начальником штаба подполковником Саниным, который на год моложе, с кавказскими широкими усами, кучерявой шевелюрой и строгой офицерской выправкой. Он работал в этой же комнате блиндажа, но своего мнения деликатно не высказывал всё по той же причине, касающейся каши и водки, а по поднятому вопросу был солидарен с Ивановым, предоставляя тому возможность самому отбрить собеседника без мыльной пасты.

– Перехлёсты, – усмехаясь, продолжил Иванов. – Это явное предательство интересов народа, который потерял на полях сражений около полутора миллионов солдат и офицеров. Есть данные, сколько чего вывезли немцы из России. Офицеры-фронтовики не могли согласиться с таким грабежом. – И он вкратце рассказал о той дискуссии в вагоне. Майор Подлесный ничего возразить не мог против фактов, и разговор оборвался. Подполковник Санин же подошёл к командиру и сказал:

– Ты оглушил меня, Федор Иванович, немецким побором. Всё это известно, но как-то слышится вновь и с ужасающей наглядностью, особенно с новым рационом немецкого вооружения прожорливой киевской хунты.

– И ложка у неё загребушая, вмещает весь западный харч.

– Российские ракеты и свечи их раскидают, а ложку продырявят.

– Сомнений нет, но придётся крепко натужиться.

– Я слушал ваш разговор, и у меня возникла шальная мысль, Федор Иванович, аж страшно стало: а как бы все вышло, не допусти Временное правительство большевистского переворота?

– Ты хочешь сказать, что останься в России капитализм с новой Конституцией и законодательной властью?

– Именно!

– Именно такие предположения высказывал в купе мой аспирант-попутчик в конце дискуссии и мешал мне уснуть. Я выложу тебе его сентенции. Имеем ли мы право, Андрей Осипович, рассуждать такими категориями? Этот же коварный вопрос заинтересовал меня, а его логика с заглядом в сегодняшний день потрясающая. «Россия в Первой мировой войне стояла на пороге победы, и она состоялась бы, – говорил он своему собеседнику. – Антанта без нас окончательно разгромила Германию, на долю же Русской армии пришлось самые кровавые сражения и львиная доля успеха, никто в том не сомневается. Примером служит блестящий Брусиловский прорыв¹. Отсюда вытекает все остальное: не было бы кабального Брестского мира, последовавшего голода в хлебобродной стране от большевистской выгребаловки».

«Продолжу, – подхватил тему фермер, словно она не давала ему спокойно дышать, – не последовало бы разгрома православной церкви величайшего преступления против свободы совести и вероисповедания славян и некоторых других народов империи. Разрушение храмов во всей стране, избиевание священников. Следующий этап – раскулачивание. Мои предки были выброшены на Север в одних подштанниках и погибли. Результат – второй рукотворный голод в стране, какого не было никогда в империи и других странах мира».

«Не менее страшный период большого террора, – вещал аспирант, с чем нельзя не согласиться. – НКВД с молчаливого согласия Сталина выбивало ленинскую гвардию – большевиков, захвативших власть в стране». – Иванов, слушая вполуха, укрывшись простыней на полке, не мог сдержать себя от раздражающих выводов аспиранта. – «И всё равно произошло верховное предательство и развал Союза, и эта, как цепная реакция, специальная военная операция никогда бы не состоялась, не стань Украина столь обширной и богатой с прирезкой земель Новороссии. Никто бы не стал вкладывать миллиарды долларов в страну-карлика, чтобы воевать с Россией руками этого карлика!»

– Вот какой мост, и довольно крепко увязанный логикой, выстроил мой попутчик, – с горестью сказал Иванов. – Имея исторический багаж знаний, мы можем сказать, что отдача Новороссии – это далеко идущие планы сионистов в ослаблении империи, захвате её земель и расчленение. Рано или поздно у народов возобладают сепаратистские настроения и союзные республики будут, согласно Конституции, самоопределяться. Это, к сожалению, произошло разом. Как ты на всё это смотришь, Андрей Осипович?

Подполковник Санин развел руками:

– Кабы не кабы, то во рту росли грибы, Федор Иванович. И тем не менее мы дерёмся за людей Новороссии. И не только. Да, не совсем гладко идёт специальная военная операция. Не упреди мы... Ты знаешь, мы это уже проходили в 1941 году. Я участвовал, скажем так, в качестве наставника батальона ополченцев в создании Дебальцевского котла², в котором оказа-

¹ Брусиловский прорыв – успешное оперативное наступление Русской императорской армии под командованием генерала от кавалерии, главкома Юго-Западного фронта А.А. Брусилова весной и летом 1916 года, в результате которого хорошо укрепленная линия обороны Четвертой австро-венгерской армии была прорвана, русские войска заняли Луцк, выйдя на оперативный простор.

² Дебальцевский котел – 18 февраля 2015 года вооруженные силы Донецкой Народной Республики завершили разгром частей ВСУ, взятых в кольцо в районе города Дебальцево. Ополченцы захватили плацдарм, который Киев планировал использовать для развития наступления в глубь территории противника, чтобы парализовать сообщение между Луганском и Донецком. Ополченцы Донбасса смогли в очередной раз доказать свою силу и сплоченность в борьбе с хунтой, отстаивая свои права на жизнь. Противник потерял сотни погибших и раненых, десятки единиц сожженной и захваченной бронетехники, артиллерийских орудий, тонны боеприпасов.

лись крупные силы противника и были разгромлены. Надлежало развивать успех ополченцам и отбивать остальные территории Донецкой народной республики. Минские договоренности о прекращении огня спасли оставшиеся силы ВСУ. Поверили, отпустили бывших соотечественников, взяв богатые трофеи. Но это была ошибка, и не первая. Как выяснилось, Минские договоренности противная сторона выполнять не собиралась.

Майор Подлесный с нескрываемым удивлением слушал своих коллег, и в его мимике можно было угадать как согласие с высказанной точкой зрения, так и беспокойство и даже страх от того, что он услышал, над чем никогда не задумывался, а сейчас вспомнил попавшую ему статью о схватках британской власти с сепаратистами Ирландии. Ландлорды выжигали целые деревни и сгоняли крестьян с земель за неуплату аренды. Сепаратизм не новое явление. Каталонцы в Испании, курды в Турции, Иране, Ираке продолжают борьбу за свою самостоятельность. Отсюда вытекает и донбасское волеизъявление народа этого края Украины. Хотя история тут совсем иная.

– Нам троим не пришлось служить в Союзе, мы только учились, – сказал Подлесный, – потому сложно судить о ценности труда при социализме, не испытав на своей шкуре, лишь можем субъективно оценивать свою работу в современных условиях. Действующий уклад в стране не дал людям жить на порядок лучше. Возьмём снабжение продуктами. Кто не давал создавать широкую сеть магазинов? В городах, как правило, имелся один гастроном на квартал, а надо бы два-три, и закупать продукты отовсюду. Мешал железный занавес, холодная война? Но рядом Китай, недалеко Индия, Иран. Наконец, Африка. Вот потому и рухнул Союз, а народ и партия на баррикады не вышли. Пусть мои рассуждения примитивные, но это факт.

– С вами трудно не соглашаться, – сказал Санин, видя, что Иванов делает паузу, – не забывайте, что страна наша, ища союзников, помогала почти безвозмездно развивать экономику десяткам стран. Мы их кормили и никого не грабили, как грабили свои колонии Англия, Франция и США. Только странам в Африке в девяностых годах президент Ельцин простил многомиллиардные долги.

– А зачем? Надо было обустроивать свою страну, дать народу такой жизненный уровень, чтобы другие страны, увидев благо социализма, сами рвались бы к нам или строили свой социализм. Не получилось! – с горечью подчеркнул Подлесный.

– К сожалению, не получилось. Капитализму, считайте, четыреста лет, а социализм – младенец, шёл по непроходимым дебрям. И тем не менее выстоял в борьбе с фашизмом.

– Разгромим неофашизм и сейчас, – подчеркнул Иванов.

Ординарцы командиров подали вечерний чай с бутербродами. Офицеры взялись за горячие кружки. Постепенно в штабе страсти от полемики свелись на нет, оставив в душе шрамы, и, понимая, что они быстро не зарубцуются, офицеры занялись решением текущих задач.

Возвращаясь к нелепости с Бугаевым, полковнику Иванову показалась фамилия пленного очень и очень знакомая. Иванов напряг память, и далекое воспоминание стало прорисовываться.

«Возможно, однофамилец или родственник?»

В Зеленой роще, до Енисея рукой подать, раскинулось Красноярское высшее командное училище радиоэлектроники и ПВО. В нём учились парни, получая самые востребованные профессии для армии. Среди них набирался знаниям курсант Высочин. Однокашник был на курс старше, известен каждому, поскольку являлся комсоргом училища, зарекомендовал себя не только отличником боевой и политической подготовки, но и ярким оратором. Удивляло то, что родом из Сумской области, там же окончил среднюю школу. Почему именно учился в городе на Енисее, хотя ближе несколько училищ в Харькове? Так сложилось. В Красноярске жил родной дядя, офицер. Приехал к нему в гости после школьного выпускного, по совету дяди поступил в училище. Всё логично. После выпуска лейтенант Высочин распределился в Днепропетровск. Это было накануне разгрома Советского Союза.

Иванов приказал навести справки о пленном Высочине. Полковнику хотелось знать: сын ли этот парень того, училищного Высочина, или однофамилец? Выяснить: каков образ мыслей у этих людей, особенно у старшего, воспитанного в советской школе и той жизнью до переворота; когда наступил перелом в сознании здравомыслящего человека, и почему противная идеология берёт верх над умами? Это было для Иванова главное, до конца понять – насколько травмированы украинцы фашизмом, можно ли излечить их души? Судя по натиску подразделений на его полк, травмированы очень серьёзно, вряд ли какая-то терапия поможет. Только хирургия.

Пленный Высочин попал в госпиталь в тяжёлом состоянии, потерял много крови, мог уйти из жизни. Спасли хирурги, удалив повреждённую левую почку, обеспечили выздоровление. Поначалу Высочин отмалчивался, бросал злобно-стеклянные взгляды на лейтенанта Красилина из органов федеральной службы безопасности, который был обязан заниматься пленными, но и выполнял просьбу полковника Иванова. По мере улучшения самочувствия простоквашные глаза раненого стали обретать нормальный цвет, в них исчезла холодность, парню захотелось жить дальше, особенно на его психику повлиял доброжелательный бас лечащего хирурга:

«Вы, молодой человек, злобу на нас выкиньте псу под хвост. Она, поверьте, затормозит ваше выздоровление. У нас тоже сроки, уйдёте в лагерь военнопленных недолеченным».

Тут случилось нападение на него одного пациента с орденом Мужества на груди, Высочин призадумался и обеспокоился. Он видел ровное к нему отношение медиков, как и ко всем пациентам Херсонского госпиталя. Вторая беседа лейтенанта оказалась исчерпывающей. Сержант Высочин оказался сыном офицера Высочина, выпускника Красноярского высшего командного училища радиоэлектроники и ПВО, однокашника Иванова.

– В чине майора отец погиб в Волновах. Он входил в состав бригады национальной гвардии вместе с батальоном «Азов», – сухо, с оттенком недружелюбия, ответил пленный на вопрос Красилина об отце и семье. – Я не женат, мать в Сумах.

Что взбесило сержанта Бугаева в отношении Высочина? Выяснить причину через лейтенанта Красилина полковник не хотел. Наверняка сержант правды не скажет. Дергать героического человека не следует, нарекание получит. А вот покопаться в душе пленного стоит всё по тем же соображениям на гнилость, поскольку таков он не один, а миллионы, и она, эта гнилость, как неизвестный вирус, вроде ковида, поражает народ, а противоядия пока нет. Только пуля.

Разбираться с поступком Бугаева ездил майор Подлесный. Палата, в которой лежал сержант, на пятерых. У Бугаева хотели временно отобрать костыли, но он резко воспротивился. За него заступились четверо раненых с различной тяжестью, что явилось полной поддержкой выходки сержанта. На вопрос майора Подлесного: «Осуждают ли они поступок товарища?» – отмолчались.

– Если бы он оказался волшебником и вернул мне ногу, я все равно не простил бы ему оголтелого нацизма, – сказал Бугаев майору. – Мы пленных лечим, а они втихушку продолжают ругать нас, называя оккупантами. Я случайно слышал их разговор, когда меня везли на перевязку. Сестра на минутку оставила коляску у двери палаты бандеровцев. Дверь там всегда открыта, как и в любой палате.

– И вы решили по-своему проучить Высочина?

– Решил! И не жалею. Пусть знают, что мы с ними не на равных. Ни на поле боя, ни здесь, в госпитале. За поступок отвечу, но орден не отдам! Он весь в крови, так пусть эта кровь будет видна каждому, кто глянет на мою грудь.

4

Доводить до логического конца однажды пришедшую и понравившуюся мысль у Иванова в характере. Эту привычку не выбросишь, как окурочек в урну, хотя, бывает, время, потраченное на утверждение мысли, не всегда приносит плоды. Разбирательство с пленным Высочиным никак не скажется на устойчивости фронта его полка, но потребность глубокого познания психологии врага заставляла оторвать себя от прямых обязанностей на часок, если случится оказия.

Шёл конец октября. Ситуация на фронте складывалась тревожная, непонятная, нервная. Иванов, как и другие командиры полков, был вызван в штаб дивизии, квартировавшей в Херсоне. Кроме прочих вопросов, речь шла об эвакуации населения города и, возможно, отводе войск на левый берег Днепра, попросту отступление. Но это поганое слово не звучало, не резало слух унижительной интонацией. Мол, никто не хочет уходить, вынуждает сложившаяся обстановка. Почему эту обстановку допустили, всем собравшимся ясно. Потери населенных пунктов значительные не только в херсонском правобережье, они всюду на линии боевого соприкосновения. Украинская армия давит, поскольку страна стала антироссийским плацдармом, созданным с прямым участием Запада.

Как ни озабочен был Иванов, но после полученного приказа готовиться к худшему, все же заехал в госпиталь, который не сегодня, так завтра будет эвакуирован. Не мелковата ли будет беседа, все-таки не старший офицер, даже не младший, а сержант. Но сын офицера-одноклассника, что имело большое значение. Насколько он грамотен, развит, настолько полковник будет удовлетворен разговором. Как бы то ни было, это не допрос в получении сведений о противнике, а откровенная чистосердечная беседа, способная пролить свет на состояние души человека попавшего в беду, выяснить, насколько она чиста, честная и здоровая. Хотя в любом случае увидеть её подлинную будет трудно, поскольку оба они как собеседники – представители противоборствующих сторон в развязанной гражданской войне. Она совсем не такая, как век назад, а с более мощной и скрытой интервенцией – вливанием крупнейших сумм в долларах и евро, поставкой самого разнообразного оружия, разведкой с помощью космических спутников, подготовкой войск Украины и участием в боевых операциях наёмников.

Сто лет назад на окраины империи вторглись 14 государств с малочисленными силами, цель которых, вопреки официальной истории, довольно сомнительная. Например, в Архангельске, где были сосредоточены склады с вооружением, цель высадившихся англо-американских сил – охрана этих складов от немцев, которые воспрянули духом в дни нерешительности в подписании Брестского мира, дали повод Германской армии наступать на всех фронтах. Они продвигались быстро, угрожая оккупировать северные области, в том числе Архангельск. У истории нет в заглавнике примера, который мог бы показать, где произошло серьёзное сражение интервентов с большевиками. Наоборот, по свидетельству бывшего председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Хаима Раковского, интервенты обеспечивали Красную армию вооружением³. Нынче в качестве таковых можно считать более пятидесяти стран мира с могучей экономикой, поставляющей на Украину вооружение всех

³ В 1918 году Раковский-Рейковер был руководителем ЧК на Украине, председателем Верховной коллегии по борьбе с контрреволюцией. С марта 1919 по июль 1923 г. – председатель СНК и нарком иностранных дел Украины. Кровавый диктатор на допросе в Орловской тюрьме в год репрессий рассказывал: «До того как Троцкий стал организатором и руководителем Красной армии, наши силы везде отступали перед силами, верными прежнему режиму. И вдруг Троцкий начинает выигрывать, потому что он уже имел все необходимые силы через интервентов, чтобы захватить власть в стране полностью. Вы что, верите официальной истории, что сброд, называемый Красной армией, и был причиной этих побед? Этими победами на 90 процентов мы обязаны „им“. Самое интересное в этой англо-американской „интервенции“ то, что ни в одном случае за несколько лет войны войска не вступали в бой с большевиками!»

типов. Попутчик аспирант прав: будь Украина без Новороссии, усеченная малютка, разве бы американцы стали делать ставку на этого карлика? Моська и Слоп российский!

Фактов, навевающих сомнения, много. Член знаменитого закулисы «Комитета–300» Брюс Локкерт в мемуарах «Британский агент» пишет: «Троцкий запрашивал британскую военную миссию реорганизовать русский военно-морской флот и предложил поставить англичанина наркомом путей сообщения... На севере высадились очень маленькие силы. Интервенция вообще не была интервенцией. Оглашенная во всеуслышание цель английского правительства – защитить английские военные склады в Архангельске от руки немцев. Без сомнения, высадка маскировалась как помощь белым армиям, однако эффект от высадки был только один – усиление большевиков и их революционного правительства...».

Иванов хорошо знал то, что Колчак как Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий белыми силами, имея в своём распоряжении золото империи (сорок железнодорожных вагонов), использовал его экономно для закупки оружия у англо-американских, японских интервентов, высадившихся во Владивостоке, а продовольствия – у населения. Но вместо оружия (оно большей частью намеренно оседало в мятежном чехословацком корпусе, следовавшего по решению большевиков и растянувшегося почти на весь Транссиб) Колчаку слали щегольское обмундирование. Это мы видим в знаменитом фильме «Чапаев», когда подразделение генерала Каппеля, одетые в эту форму, пошли в психическую атаку для прорыва, не имея патронов. Некоторые историки утверждают, что этот эпизод в фильме является чисто художественным приёмом. Каппель использовал такие атаки умело, достигал цели с меньшими потерями солдат. Этот своеобразный пропагандистский приём имел огромную силу в среде советских людей, особенно молодежи. Но факт остаётся таковым: армия Колчака постоянно испытывала недостаток вооружения, в том числе патронов. Это во всем зависело от снабжения. Такую миссию на себя брали интервенты.

Бывший генеральный консул США в России майор Шулер, оставив свои воспоминания, сообщал, кому на самом деле оказывалась американская помощь: «Правительство России практически все еврейское, и наша американская армия в Сибири полна большевиками прямо из Москвы. Командующий генерал Грейвс имеет штаб почти полностью из евреев... Вследствие этих большевиков в нашей армии вся информация, предназначенная генералу Колчаку, шла напрямиком в Москву». Шулер неточен, называя Колчака генералом, – Колчак имел звание полного адмирала.

«Возможно, мои мысли и наблюдения не совсем патриотичны, – пытался оправдать себя Федор Иванович, – но я их никому не навязываю и не утверждаю, что они – истина, а сам хочу разобраться в сложных политических и военных ситуациях прошлого, без сомнения, влияющих на убийственную войну славян в Украине. Обе стороны выбивают мужиков. Мне далеко не безразлично, кто окажется мужьями тех женщин, оставшихся жить на этой земле после конфликта, чьё семя даст молодую поросль с наступлением мира? Многие мои сверстники, особенно их родители, не могут расстаться со своими убеждениями с верой в чудеса справедливости при минувшем строе, а я расстался с иллюзиями, но верен Отечеству, верю в будущее своей Родины».

Иванов шёл по подвальному коридору в палату, куда были переведены выздоравливающие пленные. Здесь проще охранять, поскольку выход только один, окна потолочные зарешеченные.

«И того довольно, светло, тепло, кормят, лечат, – с неприязнью думал Иванов, зная, что с нашими пленными никакой гуманности украинцы не проявляют. – На то он фашизм, обыкновенный, кровавый».

Рослый санитар, сопровождающий полковника, предупредительно отворил тяжёлую скрипучую дверь, указал на сидевшего на кровати человека лицом навстречу. Половина кровати, десятка полтора, пустовала, на остальных лежали раненые. Иванов, обладая хорошей

зрительной памятью, понял, что перед ним сын однокашника Высочина. Санитар подставил стул в двух шагах от пациента, Иванов сел на него, пристально изучая солдата, на котором всё ещё были бинты.

– Здравствуй, Высочин. Я командир полка, который тебя пленил и сохранил жизнь. – Полковник сделал паузу, давая возможность осмыслить неожиданное появление такой птицы. То, что больной растерялся, было написано на его осунувшемся лице с впалыми щеками, от которых отхлынула кровь, окрашивая его в неживой мертвенный цвет. Пленный тяжело поднялся, попробовал вытянуться.

– Садись, сержант. О ваших войсках я получаю исчерпывающую информацию из других источников. Меня интересует другое. Скажи мне честно: ты искренно веришь в то, что мы, русские, тебе, русскому, враги?

– Почему вы выбрали для такого допроса именно меня?

– Это не допрос, а беседа. Почему выбрал тебя – объясню позднее, сначала ответ на мой вопрос.

– После оказанной мне помощи я заколебался в этой вере.

– А до операции?

– Сомнения всегда были. Я знал шаткое настроение отца своего. Он учился в сибирском Красноярске, и я не слышал от него бранного слова в адрес страны и власти. Но я и мои сверстники совсем другого мнения. Мне пришлось служить во Львове. В роте были местные парни, ярые западники. Они во всём брали верх. Командиры их поддерживали. Остальные плясали под их дудку: кому хочется ходить с расквашенной мордой? Это было восемь лет назад. За эти годы многое изменилось буквально во всём.

Иванов видел, что раненому тяжело говорить. Лоб его взмок.

– Вижу, признание даётся нелегко. Ответ на свой вопрос получил. С твоим отцом мы учились в Красноярске. Он курсом старше и был комсоргом училища. Надеюсь, тебе известно то, что значило для человека тех лет быть комсомольским организатором?

– Это своего рода идеология. Отец об этом не распространялся.

– Что ты знаешь о героях-краснодонцах?

– Это были коммунистические диверсанты в тылу у немцев. Их схватили и казнили.

– Для сына бывшего советского офицера у тебя весьма сносные знания. Как думают другие?

– Так же, как и я. Можете спросить у пленных в этой палате. Они прислушиваются к разговору.

– Если мне ничего не будет, то я скажу, кто наш герой, кроме Степана Бандеры, – раздался слабый голос лежавшего через кровать пленного.

– Говори без опаски, останется между нами, – заверил Иванов.

– Я знаю полковника Коновальца, он первый украинский националист и главарь. Верховодил в правительстве пана Петлюры. А мы кто? Мы подданные Украины, давали присягу, и этим всё сказано.

– Правильно, нарушишь – расстреляют, – сказал Высочин. – Наши командиры не чикаются. Коль разговор идёт начистоту, то добавлю: вы вторглись на наши земли, мы обязаны защищаться. Царь Иван Грозный говорил: «То, что взято саблём, назад не отдаётся».

– Да, это крылатая фраза великого государя московского. Коль ты знаешь о ней, то должен знать то, что Донбасс, Херсон, Запорожье, Одесса и ещё шесть областей входили в состав Новороссии. Древние земли Киевской Руси, отбитые у Золотой Орды, а затем у турок после блистательных побед Суворова, вошли в состав России, были обустроены князем Потёмкиным при Екатерине Второй.

– Я это знаю. Во время Гражданской войны, изгнания германцев и евреев-коммунистов вся Новороссия взята нашей саблей, а что взято саблей...

– Надо знать, чья была эта сабля. Сабля Красной армии. Она изгнала с наших земель и немцев, и Петлюру, разгромила Махно и всю остальную националистическую пакость, претендующую на гегемонию власти. Исторические земли надо вернуть подлинному хозяину, чтобы сохранить культуру и язык, на котором говорили запорожские казаки, а киевская власть его запрещает.

– Это ваша русская правда, а у нас своя, украинская правда, – упрямо не сдавался раненый. – Мне любопытно знать: с чего вдруг полковник толкует с солдатом?

– Хочу уточнить для себя: насколько мы теперь далеки друг от друга и славянский корень больше не имеет для вас силы?

– Думаю, не имеет. Он теперь самостоятельный, и вам не под силу его очистить от украинской державности.

– Мы не вмешивались в ваши дела более тридцати лет. За это время ваш народ полностью попал в зависимость Запада, как Германия, потерявшая самостоятельность после Победы в Великой Отечественной войне, стала марионеткой в руках США и Англии.

– Что в том плохого? Мы европейцы, тяготеем к Евросоюзу и живём на порядок лучше россиян.

– Ошибаешься. Жили лучше при Советах, теперь всё утратили.

– Возможно. Расставаясь, отец уходил в донецкую область с «Азовом», я – сюда, он говорил, что у россиян был шанс нас задавить малой кровью дважды – первый раз на Майдане, второй раз под Дебальцево, почти через год после нашей революции. Тогда мы были гораздо слабее, теперь что? Мы сильны, а это жертвы и жертвы! Отец погиб, я лишился почки.

Высочин, нервничая, бессвязно крутил свои мысли:

«Я пленный инвалид, кому теперь такой нужен? Ближайшая задача – выздороветь, дальше меня ждёт вражеский суд, лагерь. Не вечно же я там буду, если удастся выжить, куда податься на свободе? Будет ли она? Кто победит? Если Украина, то дадут ли мне пенсию за отсидку в плену? Зная свирепый нрав власти бандеровцев, – снисхождения не получу.

А если победят россияне, в чём есть предметные сомнения: наша армия жмёт по всему фронту – какова судьба уготована мне? Если судить по госпитальным делам, тому нормальному обращению, лечению и уходу, преследовать русские не будут. Где окажусь – на родине или где-нибудь в холодной Сибири? Где брать деньги на кусок хлеба? Лагерь покажется для каждого раем: и крыша, и посильная работа, и кормёжка».

Высочину хотелось бы получить ответы на все вопросы, их теперь никто не даст. Тот же полковник, что сидит рядом с какими-то серьёзными сомнениями, не будь их, какого бы чёрта он тут распинался. Никто ничего не знает, даже то, будет ли он завтра жив и здоров. Просто надо терпеливо ждать. Как правильно говорит хирург, сосредоточиться на выздоровлении, а там будет видно.

Если пленного беспокоила личная судьба, то полковника Иванова поразило последнее высказывание Высочина о начальном периоде войны донбасского ополчения и участия наших отборных добровольцев, способных громить фашистов.

«Но их остановили. Не враг, замечу, но остановили. Почему такое случилось? Эти личные вопросы постоянно будоражат сознание. И не только моё, а каждого военного профессионала, – напрягся Иванов. – Четкого ответа о раскладе сил ни тогда, ни теперь никто не давал. Не знали?»

У него вдруг пропало желание дальше вести диалог. Пришло полное понимание того, что это поколение украинцев, и не только это, потеряно полностью. Те, кто не согласен с режимом, бежали за рубеж. Одни на запад, другие на восток. Только детям можно привить славянско-братский корень. Совершенно для него стало очевидным и неудивительным то, что он получил крепкого противника, хорошо подготовленного, и противостоять ему довольно сложно. Об этом властно говорит усиливающееся давление на плацдарме, эвакуация населе-

ния города, сбои в снабжении боеприпасами, продуктами питания. Понтонные мосты явно не справляются с долгосрочной задачей. Они легкая мишень для американского дальнобойного оружия и высокоточных систем огня, приводимые в дело с помощью американских, британских инструкторов и разведки. Та мысль, что возникала ранее: отогнать врага за границу обла-сти, а то и далее, там выстроить оборонительную линию, не даёт теперь покоя, и он выглядит человеком, стремящимся укусь локоть. Отход за строящуюся линию обороны теперь видится единственным вариантом, хотя и тяжелейшим.

Более навязчиво возникает вопрос: можно ли было предотвратить эту войну? Общество с патологией фашизма невозможно реанимировать без хирургического вмешательства, особенно если главный орган – власть – безнадежно им заражен. Необходима трепанация мозга. Власть Януковича все же была более менее здоровая, но бесхарактерная. У него иная патология: нерешительность очистить от заразы весь организм и обеспечить защитную деятельность. На эти же грабли наступаем мы, упорно не желая разуть глаза на обстоятельства, увидеть эти грабли и не наступать. Даже пленный Высочин подсказывал, где, в каком месте можно было не наступать на эти пресловутые грабли.

«Враг всегда коварен, – бичевал себя Иванов, – ему нельзя верить. Русский рубаха-парень несколько раз умывался кровью от веры врагу. Битва на Калке. Одна из тех неугасающих болей поражения русских князей от веры врагу, предтечи будущему трехсотлетнему монголо-татарского игу. А что было: разногласие между князьями, стойкое отражение татар под знамёнами Дмитрия Мстиславича в кольце телег, превращенных в полевую крепость. Затем преступная вера в увещание врага о пощаде, о возвращении домой доблестных воинов, если сложат оружие! Согласились. Были схвачены и раздавлены деревянными помостами возликовавшим врагом и пировавшим победу на телах князей.

Через год после победы на Куликовом поле хан Тохтамыш пришел к Москве в то время, когда великий князь Дмитрий собирал ополчение. Три дня москвичи отбивали приступы татар. Снова последовала та же песня: восхваление врагом доблести русских воинов. Увещание через юных нижегородских князей открыть ворота с пощадой хана. Под давлением духовенства поверили в милость. Открыли ворота и были сожжены вместе с городом.

Мудрый Кутузов отверг всякие переговоры с Наполеоном. Он знал уроки истории и победы.

Ленин и Троцкий стали затягивать переговоры с Германией о подписания мира, вместо того чтобы встать с оружием в руках против врага, и затянули петлю на шее народа. Весной первого года специальной военной операции в Стамбуле шли обнадеживающие мир переговоры. Запад возразил: „Нельзя вести переговоры с пистолетом у виска. Отведите войска от Киева. Только в этом случае можно вести продуктивные переговоры“. Поверили, войска отвели, получили наглую провокацию в Буче и продолжение кровопролитной войны. Ранее в 2015 году были Дебальцевский котел и свободный Мариуполь. Наметившееся успешное очищение Донбасса от нацистской скверны остановилось из-за февральских Минских соглашений, которые, как выяснилось, Запад не собирался выполнять. Получили фигу с маслом в мешке!»

Иванов с неприязнью вспомнил брошенную реплику солдата, лежащего через кровать от Высочина. «Посмотрите видео шествий патриотов Украины, их марши, клятвы. И вам станет ясно, кем мы стали!»

У Иванова есть в запасе анекдот, раскрывающий суть: «Два соседа-ирландца жили очень дружно. Однажды крупно и навечно поссорились. Значит, у них побывал англичанин». Переговоры России и Украины в Стамбуле шли трудно, но все же стороны согласились почти по всем пунктам: нейтралитет, внеблоковый и безъядерный статус. Россия даёт гарантии безопасности Украины, которые обеспечат постоянные члены Совбеза ООН. Делегатам стало легче дышать от наметившегося компромисса. Но в Стамбул прилетел премьер-министр Великобритании Борис Джонсон. Соглашение сорвано.

Кровь славянских народов продолжает литься. Запад, стравивший две страны одного и того же народа, потирает руки с людоедской ухмылкой. Расслабившись в мирные годы, особенно после развала СССР, многие страны мира утратили боевое чутье и дух, армии измельчали. Теперь они задним числом учатся у россиян, у тех же украинцев, воевать в новых экономических условиях и достижениях военной техники и науки. Враги по-прежнему горазды на провокации и терроризм, нагнетания истерии. Иванову понятно – столкновение было неизбежно. К сожалению, не все граждане разделяют эту точку зрения, далеко не так едины, как во время нашествия Гитлера. Страна тогда встала на защиту от мала до велика. Ныне есть те, кто осуждают специальную военную операцию, среди них бытует злобное отрицание этой меры.

Подруга жены Иванова осудила. Надежда рассказывала, как пыталась убедить подругу в ошибочном мнении, рисовала ей мрачную картину разгрома на Донбассе, не приди туда мы.

– Как ты не понимаешь, что ополчение было бы смято регулярными войсками укров, – кипятилась Надя, доказывая подруге вынужденную помощь наших военных. – В Украине создана сильная национальная гвардия, как грибы повыврастали националистические батальоны. Они жестокие и беспощадные, вооружены до зубов натовским оружием. Смяли бы ополчение, вырезали население, как вырезали нас гитлеровцы, угоняли в рабство. Режим бы создал прочный плацдарм для броска на Россию. Первым бы ощутил пламя войны твой любимый Ростов-на-Дону, пострадала бы твоя любимая команда гандболисток.

– Ну и как, убедила? – с интересом спросил Иванов.

– Нет. Говорит, до такой крови бы не дошло. Урезонили бы укров международные организации. Несчастливая! Заблудилась в двух соснах. Благо у неё две дочери, на войну, если что, не попадут.

– Наш сын всё крепче прирастает к войне через снабжение армии. Я бы этого не хотел.

– Что в том плохого?

– Объёмы возрастают, боюсь соблазна самохвальства – начальный мостик самоуправления и самоуверенности.

– Вечно у тебя чёрные краски о сыне. Он невнушаем.

– На это и уповаю.

– Отцы чаще всего недовольны сыновьями, поскольку недостатки отцов передаются с генами. Но ты, слава богу, никогда не маялся самоуверенностью, верь в порядочность нашего сына.

– Я верю! Но большие деньги портят человека.

5

После новогодних праздников и придуманной Сладой поездки к самодельному трамплину этого невообразимого чудака Гера Бурятин почувствовал резкое охлаждение своей подруги. Гера не без основания считал – невесты. Знакомство с родителями Слады, как Гера окрестил неофициальную помолвку, сочности отношениям не принесло. Напротив, потянуло суховеем. Обещанная официальная помолвка на 8 Марта под вопросом. Вопрос этот пошатнул самоуверенность Геры, возмнившего о своей неотразимости. Если раньше Слада ссылаясь на институт, на широкую практику в клинике, подготовку к сдаче госэкзаменов, пропуская назначенные свидания, то теперь заявила, что не видит в нём прочной материальной опоры, поскольку за душой Гера ничего не имеет. Не только высшего образования, но своего заработка, по существу, пользуется отцовским покровительством в строительном бизнесе и состоит у него на побегушках. Она замечала, что при отце он тише воды, ниже травы, но на людях груб, самоуверен, считает себя незаурядной личностью, разъезжает на дорогой иномарке.

Мордашка у него недурна. Тонкие черты с контрастной черной шевелюрой и тонкие усики вызывают симпатию, атлетическая фигура закрепляет мужскую красоту. В юности играл в юниорской баскетбольной команде города, бросил спорт, как сам признался, из-за лени. Познакомились они в результате несчастного случая на стройке. Бурятину-старшему сообщили о падении человека с третьего этажа. Сам не поехал, отправил сына. Слада в качестве практикантки оказалась в бригаде «скорой помощи». С той сумбурной встречи он запал на неё. Это было год назад. Гера считает его лучшим в своей жизни. За плечами у него срочная служба в армии, учеба в строительном техникуме. На институт замахиваться не стал, не верил в свои силы, хотя папаша мог устроить поступление.

Бурятин быстро разыскал своего соперника. Им оказался программист районного многофункционального центра «Мои документы», бывший контрактник, десантник Вячеслав Егорычев. Гера решил с ним поговорить по-мужски. Подбирался к нему медленно и осторожно, изучал. Обыкновенный парень, каких полно в городе, почти его ровесник, звёзд с неба не хватал, чем мог увлечь Сладу? Решил никого из друзей не посвящать в свою тайну. Не позволяла гордость лидера.

Семья у Слады, как и она сама, сплошь романтики. Отец Святослав – геолог, мать Марианна – тоже. Сын-первенец Всеволод, младшая сестра – Любомира, самый малый братишка – Милослав. У всех сложносоставные славянские имена. Оригинальничают, не иначе. Слада с гордостью говорила, что предки у них русские инженеры, строили Николаевскую железную дорогу – Транссиб. Потом служили большевикам. В советские времена о родословной умалчивалось, теперь она рассказывает о генеалогическом древе с гордостью. Саму Любосладу постоянно заносит куда-то. То она сплавлилась с компашкой по горной реке в Саянах, то забралась на Белуху, правда, полного восхождения у неё не было, оставили, как новичка, в лагере на высоте три тысячи километров, то она понеслась к какому-то чудачу, самодеятельному прыгуну. Имя и оказался Егорычев, с которым она познакомилась заочно, находя время для переписки. К сожалению, с ним такого времени у неё всегда мало. Особенно в последнее время.

Бурятин проследил путь предполагаемого конкурента от конторы к дому. Этот чувак не имел даже машины. В годы службы она ему ни к чему, но теперь-то? Ездит на работу на автобусе. Не могла Слада на него засть, здесь кто-то другой затесался, не иначе. За выяснением личности и слежки пролетел январь и заканчивался февраль. Гера однажды все же решил поговорить с чуваком по-мужски с поддержкой друзей, но в последний момент отказался от затеи, сомневаясь в явном конкуренте. Попросту трусил, убедившись, что имеет дело с крепким и смелым парнем, откладывая столкновение на завтра, на потом. И как гром среди ясного неба грянуло объявление о специальной военной операции по защите жителей Донбасса.

Гром, конечно, сильно не напугал: слишком далеко те земли. Неприятно скребнула мысль: что дальше, надолго ли? Спортивная молодость уготовила Бурятину службу в десантных войсках, восторга не испытал, даже клял за накачанные мышцы, считал себя интеллектуалом. Например, хорошо знал любовную лирику Есенина, обладал эффектными жестами при чтении стихов, вызывая восторги у прекрасного пола. И уж десантники всегда востребованы в военных заварушках. Этот же болван Егорычев, очевидно, слеплен для такой грубой работы, поскольку, отслужив срочную, подписал контракт на три года. И вот вернулся, встал поперек горла. Знакомство с семьей Слады ни к чему не привело.

Из рассказов Слады о житье-бытье Бурятин сделал вывод, что отец у неё такой же непоседа, как и она сама. Одна профессия – геолог – говорит о многом. Кстати, мать тоже ягода с одного поля. Гордиенко имели четырехкомнатную квартиру в студенческом городке, как её называли, «малолитражку-хрущёвку». Давали в центре города, но из трех комнат. Семья у Святослава только что пополнилась первенцем-сыном. Ему в управлении так и сказали: «Дарёному коню зубы не смотрят – бери, пока дают». Не в конце, понятное дело, и не в зубах, в самой стране, которую разгромили, на первый взгляд бескровно, развалив, как спичечный домик, если не брать во внимание холодную войну. А как не брать, коли ею порожден разгром страны, хаос во всех отраслях, уничтожение предприятий, рабочих мест, последовавший беспредел чиновников и бандитизм братков. И действительно, надо было хватать то, что ещё осталось в резерве, а бандитские группировки не наложили на государственную собственность кровавую руку. Но она таяла, как стала таять программа поисковых работ из-за отсутствия финансирования, и, разумеется, последовало сокращение штата управления геологов. Гордиенко с женой под балласт не попадали как молодые и перспективные специалисты, безусловно отработавшие несколько сезонов в полевых условиях северных широт.

Нестабильные и ужасные девяностые заканчивались для семьи почти благополучно, хотя в целом экономисты подсчитали, что урон от развала Союза оценивается почти в два с половиной раз больше урона от Великой Отечественной войны. Пауза в деторождении была прервана появлением на свет Слады, а затем Любомиры и Милославы. Как бы они шестеро разместились в трехкомнатной? Малолитражка устроила более с некоторым комфортом: родители в одной, сын в самой крохотной, дочери – в большой. Сначала стояла одна широкая кровать для малышей, стали подрастать, приобрели две, потом третью поставили. Четвертая комната служила как общая, где смотрели телевизор, так называемая гостинка. Конечно, на столь претенциозное назначение она не тянула из-за малого объема, но так уж повелось в российских семьях – хотя бы щегольнуть названием, пустить пыль в глаза зазнайкам, знакомым геологам индусам и европейцам, которым не пришлось восстанавливать столько жилья после разрушительных войн в первой половине XX века. Всё оттуда тянутся наши кромешные недостатки. Приходится мириться, а куда денешься. Могло быть и скромнее, но два ведущих специалиста в одной конторе не шиш с маслом. Хоть как-то ублажили. Была бы в управлении пятикомнатная, дали бы пятикомнатную. Теперь, в новой России, можно взять землю под особняк, но это не для них. Гордиенко не дачные персоны. Если нулевые годы сплошь пролетели в поисковых сезонах, то теперь супругам, отяжелевшим солидностью опыта и годами, целевые таёжные десанты в тягость. Прекращены. Каждое лето крылья малолитражек, как называл Святослав самолеты и вертолеты, забрасывали их в командировки в знакомые севера по разным производственным нуждам, больше для контроля за работами геофизиков. Святослав редко сетовал на бытовые неудобства, жена чаще всего, да его и Марианны мамы. С упреками к власти, мол, таким-то людям не угодать – грех! На них вся экономика держится, весь потенциал в таких умелых руках.

– Мама, нам предлагают брать землю и строить особняк, – говорил не без гордости матерям Святослав. – Земли много дают, не ваши с тещей шесть соток советских. Правда, на них я вырос, и Марианна тоже. Но моё ли это дело? Я уж задумывался: в самом деле, года идут,

молодость, как вода, в песок ушла. Деньги, в принципе, есть. Возьмусь, решил. Пока решался, сама видишь, пенсионный возраст подкатил. Вот и махнул рукой: в магазинах любые продукты есть. Мебель, кухонные гарнитуры, машины бытовые есть? Есть! Это вам приходилось прива-рок на дачах добывать. Я лучше на Тунгуску слетаю за хариусом и сигом вместе со Сладой.

Святослав рос и учился в школе и институте при советской власти, трудиться молодым специалистом стал после реставрации капитализма. Понимал, капитализм ненормальный, бан-дитский, хаотичный. Зрелость обрел уже в более-менее устоявшейся олигархии. Есть у него теплые чувства к прошлому времени, но и это время ругать сильно не может. Там было много хорошего, но и плохого лопатой не отгребёшь, в нынешние времена и того и другого хватает. В идеалы он не верит, а только в свой образ жизни, выпестованный профессией. В ней он педант. Мелочей в своих обязанностях не признавал, отсюда вытекало качество его труда – потомка технической интеллигенции. Кстати, сын пошел по стопам родителей. Считал профессию геолога обособленной, то есть независимой от властных структур. Он и природа: степи, горы, реки, тайга. Широты и климат с их законами. Люби и выполняй. Как хирург с болезнью чело-века. Он хирург со скальпелем и – недуг. Ни власть, ни окрик тут не властны. Слада выбрала скальпель. Ей родительское благословение и любовь.

* * *

Настойчивые звонки Бурятия стали раздражать не только Сладу, но и маму. Долетели позывные до ушей папы. Сладу выдала младшая Любомира по простоте души своей. Пережи-вая за сестру, рассказала о бесконечных звонках надоедливой Геры. На дворе уж колосилась сибирская весна. Геологи чуяли запах нового полевого сезона, собираясь в очередные кратко-временные рейды, по заверению обоих, в последние маршруты, что верилось с трудом. Потому к Сладе в начале февраля посыпались вопросы с пристрастием.

– Слада, через месяц-полтора новые сезоны. Без нас контора не обойдётся. Вы снова остаетесь под присмотром наших добрых и милых бабушек. Они постарели – вы поумнели и подросли как физически, так и умственно. Думаю, и впредь всё у нас в семье будет благопо-лучно. Меня стало беспокоить то, что ты с неохотой откликаешься на звонки Геры, но все же общаешься. Что у тебя с ним?

Бурятин упросил Сладу познакомить его с родителями ещё до Нового года, намекая на серьезные намерения. Слада, заинтригованная заочным знакомством с Вячеславом, с трудом согласилась на встречу с родителями. Но не дома, а только в фойе перед концертом в театре музыкальной комедии.

– Только дружеские отношения, – неохотно пояснила Слада. – Он слишком назойлив, и то знакомство в театре с тобой и папой – промежуточное.

– Что значит промежуточное? Он не одноклассник, не коллега, его знакомство с нами далеко идущее?

– Далеко идущее – у него. У меня – нет.

– Тебя привлекает его денежная независимость? Это нехорошо и меня беспокоит.

– Не совсем, но это плохо объяснимо.

– Разве время тебе не объясняет? Вы уже знакомы около года.

– Объясняет, мама. Оно подсказало: иметь с Герой только дружеские отношения, как с моими милыми одноклассниками, – твердо сказала Слада.

Мама осталась не удовлетворена разговором, возраст дочери зашкаливал и торопил создать брачный союз. Откровенно, Бурятин показался ей приличным молодым человеком, внешне, конечно, что у него за душой – неизвестно. О нём стоит навести справки, коль Слада о парне ни с кем не делится, даже с сестрой. Так она думала после короткого знакомства. И вот дочь объяснилась, как отрезала: между ними только дружеские отношения.

6

Февральские с ног сшибающие события в стране взбудоражили общество. Признание донбасских республик и объявление специальной военной операции по защите жителей Донбасса обострили отношения людей. Слышались голоса не только за, но и против. Однако несколько не изменили сиюминутные желания сибиряков, находящихся в далёком-далеке от места событий. Продолжалась та же размеренная мирная жизнь, правда, с некоторыми ахами и охами тех, у которых родственники в действующей армии. Таких было меньшинство, как и тех, кто неприлично заворчал на ситуацию. Геру Бурятину беспокоило то, что далекие военные события к замужеству Сладе не подтолкнули, но насторожили: не позовёт ли её романтика на фронт после окончания вуза этим летом? Гера романтику презирал. От неё одни издержки. Пример – родители Слады. Вечно в поле, в тайге, в горах в поисках земных кладов. А толку – одна зарплата, плюс неудобства не только бытовые, но под прицелом, по его мнению, супружеские отношения. Правда, за работу по дальнейшему изучению Чуктуконского редкоземельного месторождения в Богучанах получили премию и грамоты, но богаче не стали. Уподобляются звериным инстинктам: весной и поздней осенью брачные медовые месяцы. Георгию это не надо. Он любит уют и любовную стабильность любимой девушки. К сожалению, тут облом.

Война на Украине больше всего обеспокоила мать Геры, отец отнесся к событию равнодушно. Мать же заикнулась о том, чтобы обезопасить сына-десантника от возможного призыва. Отец отмахнулся, мол, операция свернётся в полгода. Не свернулась. Объявленная в сентябре мобилизация резервистов напугала до чёртиков мать и Геру. Отец в эти бархатные дни принимал в Мацесте ванны.

– Андрей, сыну принесли повестку. В течение трех дней он обязан явиться с вещами в военкомат! – надрывно кричала в телефон Юлия. – Ты должен сделать отбой!

– Я не вижу, как это можно сделать из ванны, – охладил пыл жены Бурятин.

– Андрей, брось дурацкие шутки. Жизнь сына под угрозой. Безумные нацисты очень сильны и всюду теснят наши войска. Вылетай немедленно и уладь дело. Деньги и время есть.

– Не пори горячку. Надо подумать, как включить рычаги давления на военкома. Ты сама можешь задобрить, все наши финансы в твоих руках.

– У меня обострился невроз. Боюсь слечь.

– Успокойся, отправим Геру в командировку в Казахстан, где разворачивается наша стройка. Глядишь, всё успокоится. Когда принесли повестку?

– Сегодня, час назад.

– Гера расписывался за получение?

– Нет, он находится на объекте, я за него расписалась. Не забывай, у нас всего три дня.

– Оформим командировку задним числом. Я позабочусь.

– Если его задержат каким-то образом, могут признать уклонистом, а это тюрьма.

– Глупости, уклонистом может признать только суд. Но нам это не надо. Никакой огласки, слышишь, никакой огласки!

– Я боюсь, он выложит всё Сладе. Он без неё жить не может и просто сохнет на глазах.

– Предупреди его. Пусть не расписывается в беспомощности. Это бабам не нравится.

Перед вылетом в Казахстан Бурятину увидеть Сладу не удалось. Гера написал ей о своей неожиданной командировке и просил, как это бывает в фильмах во время сложной грозовой атмосфере, чуткого отношения к нему. На что Слада ответила с вызовом: у неё красный диплом, и она не собирается отсиживаться в Сибири, а намерена добровольно записаться в ряды медиков, обслуживающих специальную военную операцию. В городе формируется группа добровольцев, она в их числе в качестве хирурга.

«Вот где ты можешь проявить мужской характер, записавшись добровольцем на фронт», – донесла Слада свою неприязнь до парня.

Гера хотел услышать продолжение мысли: «... и получить шанс моего расположения». Но обнадеживающих слов не последовало. И все же Гера сделал стойку: «Надо узнать, на какой участок отправят группу медиков-добровольцев. И тогда действовать, а пока надо выполнять поручение начальства стройки, как объяснил отец – эту срочную поездку, не связывая с операцией на Украине, тем более начавшейся мобилизацией».

Переписка со Сладой и утряска дел с командировкой в конторе состоялась днём. Главный инженер объяснил, с какой целью он летит к соседям. Для Геры такое доверие необычное, он ликовал, не ожидая никакого подвоха, веря в свою ценность как молодого специалиста, мобильного и сообразительного. Лишь к концу рабочего дня забежал в отдел к матери сообщить о неожиданном поручении начальства, и та сообщила ему о полученной повестке, введя сына в настоящий столбняк.

– Не понял, – уставился Гера на мать, – то-то кадровичка криво усмехалась, оформляя командировку. Это какая-то подстава?

– Повестку утром вручили мне как матери. Ответственность за командировку на себя берет руководство стройкой, а ты помалкивай, дразнить гусей не стоит.

– Коль так, похлопаем в ладоши! Не боишься, что по возвращении загребут? Ты должна знать, что мобпредписание не имеет срока давности.

– Вернётся из отпуска отец, что-то придумает.

Бурятина знала, что в отделе кадров работала «подколотная змея» – бывшая осведомитель гэбэшников. Она вела учёт военнослужащих стройки, к ней стекались все сведения о призыве на службу молодежи, демобилизации, офицерском составе, рядовом и сержантском, категории специалистов. Словом, всё про всё, что касалось учёта. Вела она его скрупулёзно, как того требовала инструкция. Разумеется, оповещена военкоматом о тех, кто подлежал мобилизации, и весьма удивилась тому, что Георгия Бурятина, вопреки призыва в действующую армию, задним числом отправляют в командировку, которую надлежало ей же и зафиксировать. Против старшего Бурятина она ничего не имела, а вот его жену не переваривала за излишнюю самостоятельность инженера-плановика, заносчивость, какая угадывалась в голосе даже во время утреннего приветствия женщин-сослуживцев и в барской манере отстаивать свою точку зрения на итоговых месячных планерках. Начальство Юлию Бурятину уважало за профессиональный подход к делу, мало замечая других. Нашупав интригу, кадровичка звякнула в военкомат. Там сигнал зафиксировали в ожидании развития действий мобилизованного, правда, не лично оповещенного, а через родителей.

Самолёт в Астану шёл вечером. Билет был взят, командировка оформлена, деньги получены. На всю суету ушёл весь день. Осталось ждать рейс. Оставался еще день явки в военкомат. Тяжело воспринималась переписка со Сладой. Она права, на войне можно показать мужской характер и расположить девушку к себе. Насколько он знает, занятая учебой, она ни с кем из парней не встречалась, даже с ним. Потом каникулы. Лишь однажды после выпускного Гера видел Сладу с прыгуном Егорычевым. Не уверен, что между ними что-то склеилось за этот длинный полумёртвый промежуток времени. У программиста к Сладе могут сыграть чувства, но каковы ответные – никто не знает. А вот то, что после выпускного Слада укатила на целый месяц покорять Тянь-Шань, говорит об отсутствии каких-либо чувств к Егорычеву. Впрочем, чего он к нему прицепился? Холостяк, живёт сам по себе, летом купил подержанный «седан». Насколько Гера знает, военная профессия Егорычева очень востребована на фронте, так же, как и его. Может вполне загудеть. Много бы дал тому, кто помог бы выяснить фамилии мобилизованных. И тут закралась мысль, а не отказаться ли от командировки, блеснуть перед Сладой патриотическими чувствами. Подведёт отца и мать – пустяки, никто даже не обратит внимания на этот факт. И оказаться где-то рядом со Сладой. От этой мысли у Геры перехватило

в горле, как от доброй порции спирта. Находясь здесь, что-то можно выяснить – куда и когда двинут медиков. Из Казахстана – мёртвое дело.

Признаться, вся эта заварушка не нравилась Гере до жути. Раздражали громкие объявления диктора о прибывших рейсах, ожидание регистрации, заботливое присутствие мамы, словно провожала не парня, а мальчика, впервые покидающего дом родной. А как бы хотелось на её месте видеть Сладу, не стоять боком и не молчать угрюмо, а трещать, слышать милый голосок, как бывало год назад после знакомства. Он всё же надеялся на звонок перед вылетом, потому с торопливой радостью откликнулся на позывные. Но тут же его физиономия подурнела от гримасы испуга. Звонили из военкомата, вежливо поинтересовались: «Почему игнорируется мобилизационная повестка, и вместо явки в военкомат с вещами, как предписано, вы, военнообязанный Бурятин, улетаете в Астану? Это грозит серьезными неприятностями».

Гера напрягся, у него вырвалось:

– Откуда вы знаете?

– Не имеет значения. Советуем сдать билет и явиться в военкомат!

– Гера, что с тобой, с кем ты разговариваешь, на тебе лица нет? – всполошилась Юлия Викторовна.

– Нас разоблачили, – выключив телефон, панически сказал Гера, – звонят из военкомата, предлагают отказаться от командировки и явиться в военкомат с вещами.

– Это отдел кадров, «подколотная змея», как её прозвали сотрудники за вездесуйство! Она донесла в военкомат о твоей командировке. Как же мы об этом забыли: у неё на контроле всё, что связано с военкоматом. Это её обязанности.

– Что же делать?

– Я не знаю, нарвёмся на неприятности. – Юлия Викторовна почувствовала, что не может управлять создавшейся ситуацией, которая грозила сыну унижением, а ей – страхом и бесконечными переживаниями, рухнувшим спокойствием, так прочно осевшим в семье, ставя под вопрос благополучие, и растерянно договорила: – Позвоню отцу. За неявку в худшем случае могут только оштрафовать.

– Не звони, он ничем не поможет, а вот уголовка положительно корячится. Слада узнает – будет презирать. Я возвращаюсь, а ты сдай билет, чтоб деньги не пропали.

– Для тебя Слада свет в окошке, только ты для неё... – Мать замаялась, боясь обидеть сына в такую сложную минуту решений. – Скажи честно: почему у вас расстроилась помолвка? У неё кто-то появился?

– Мама, не тяни из меня жилы!

– Слада ничего не узнает, если ты ей сам не скажешь, – мать тяжело вздохнула и мучительно выдавила из себя: – Мы, ей-богу, словно корова на льду, не знаем, куда шагнуть и ноги разъезжаются. Однако тебе надо лететь. Я повторяю: руководство фирмы всё возьмёт на себя. Отец подтвердит.

Юлия Викторовна понимала, что неправа, предлагая медвежью услугу сыну. Но с жуткой действительностью, что он может лишиться жизни, не могла по-матерински согласиться. Заменить родного сына никто не может. Пасть жертвой конфликта при относительном покое общества выше всяких материнских сил. Это совсем не та военная обстановка, какая была в стране в годы самой кровопролитной войны с германским фашизмом. Сравнения мешали понимать истинную угрозу, какую может принести вызревший и загромыхавший орудиями нацизм на Украине. Она не хотела думать о худшем исходе, но если случится непоправимое, то не сможет спокойно жить, не сможет не казнить себя за то, что не уберегла единственного сына, не будет иметь права на прежнюю сытую жизнь, быть успешной в труде, в почёте, отмечать дни рождения, веселиться на праздниках. Острым ножом для неё станут соболезнования сослуживцев, сочувствие и предложенная материальная помощь. Помощь как плата за былую любовь к сыну,

что в конечном счете превратится в оскорбление её материнского чувства? Продумав всё это в секунды, она с твердостью повторила:

– Лети, сын, выполняй задание главного инженера, если что, я возьму вину на себя. Руководство – тоже. А там посмотрим.

Она верила с подачи мужа в то, что противостояние долго не протянется, свернётся в этом же году. Оба ошибались, потому что не знали – какие силы там собраны, переоценивая свои возможности, делая выводы с легкостью весеннего скворца, способного в это время подражать пению всех птиц, но забывая их на год. А стоило бы задуматься: могучая ли, несокрушимая ли теперь наша армия, какой была при Советах, после всех передраг, сокращений вооружений, численного состава, училищ, академий, коррупции генералов? Юлия Викторовна не могла со своей кухни или даже рабочего кабинета видеть полный провал Минских соглашений, которые коварно подписывала нормандская четвёрка, затягивая выполнение наработанных мер по урегулированию конфликта, вспыхнувшего на востоке Украины после вооруженной узурпации легитимной и действующей власти, закидав её коктейлями Молотова. Пресса об этих соглашениях писала мало и невнятно, создавалось впечатление непонятной закулисной игры клоунов, в которой она – россиянка – вместе с правительством выглядит обманутой. Казалось, вот-вот здравый смысл у западных воротил возобладает. По существу Юлия Викторовна была далека от политических интриг, не понимала их значения, являясь рядовой гражданкой страны, хотя с высшим образованием, относясь к управленцам. Не её удел. Для неё семейное благополучие – главный ориентир через безупречную службу на стройке, но в данный момент у неё не сработал защитный рефлекс, верное служение более важному господину – государству, который требовал безоговорочного подчинения закону. И с этой минуты из стана послушного она переместилась в стан преступного бунтарства, движущая сила которого есть безоглядная материнская любовь к сыну, мешающая осознать всю глубину проступка, толкающая на эту стёжку своё чадо, обязанного отвечать за себя и свои поступки в полной мере взрослого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.